

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ

А. Р. Михеева

**БРАК, СЕМЬЯ, РОДИТЕЛЬСТВО:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Учебное пособие

Новосибирск
2001

УДК 301.085 (049.3): 312.3

ББК С53 С73 – 24

М

Михеева А. Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. 74 с.

Учебное пособие содержит материалы, необходимые для понимания современных мировых и российских процессов, происходящих в сфере брака, семьи, рождаемости. При рассмотрении тенденций акцент делается на взаимосвязи двух отраслей знаний об изучаемых процессах: социологии семьи и демографии как науки о воспроизводстве населения.

Предназначено студентам, аспирантам, специализирующимся по социологии и изучающим курс «Социология семьи», а также студентам других факультетов, интересующимся проблемами современной семьи.

Данное издание выпущено в рамках Мегaproекта «Развитие образования в России» (программа поддержки кафедр) Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)

Рецензент д-р филос. наук Г. С. Батыгин
(Московская высшая школа социальных и экономических наук)

© Новосибирский государственный университет, 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Семья и брак в контексте воспроизводства населения	8
§ 1. Дискуссия о современном состоянии социальных институтов брака и семьи	8
§ 2. Основные определения	9
§ 3. Дилемма специализации наук: социология семьи и демография	14
§ 4. Динамика численности мирового населения (история и современность)	18
§ 5. Теория демографических переходов: социологические аспекты	21
§ 6. Современная семейная жизнь в контексте модернизации общества	27
Литература	30
Глава 2. Современные тенденции распространения сожительства и внебрачных рождений	33
§ 1. Статистические факты и их анализ	33
§ 2. Демографические тенденции и внебрачное материнство: анализ женских историй	41
§ 3. Демографические тенденции и социологическое исследование сожительства	51
Литература	60
Глава 3. Социальные аспекты отцовства	62
§ 1. Отцовство в контексте модернизации брака и семьи	62
§ 2. Феномен отцовства (социологический, исторический аспекты)	63
§ 3. Мужчина в семье: добытчик, домашний работник, воспитатель? (некоторые результаты разведывательных обследований)	66
Литература	69
О семейной политике (вместо заключения)	73

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1. Динамика численности населения мира за 10 тыс. лет.....	18
Таблица 2. Сроки увеличения населения Земли на 1 млрд чел. начиная со второго миллиарда	19
Таблица 3. Число вступивших в первый брак к 50 годам на 1000 никогда не состоявших в браке.....	33
Таблица 4. Динамика числа зарегистрированных браков, Россия 1980 – 1998 гг., тыс.	34
Таблица 5. Динамика доли женщин в возрасте 20 – 24 лет, живущих в неофициальных браках	34
Таблица 6. Доля женщин, состоящих в незарегистрированном браке, среди всех женщин данной возрастной группы, живущих в супружеских союзах, середина 1980-х гг.....	36
Таблица 7. Брачное состояние населения в возрасте 30 – 34 года, Дания, Ирландия и Франция, 1993, %.....	37
Таблица 8. Динамика доли внебрачных рождений в общем числе рождений в некоторых западных странах, 1970 – 1995 гг., %	38
Таблица 9. Динамика доли родившихся у женщин вне брака среди всех родившихся, Россия, 1945 – 1999 гг., %	39
Таблица 10. Распределение матерей по возрасту рождения внебрачных первенцев, Западная Сибирь, сельское население, %.....	39
Таблица 11. Структура внебрачных рождений по их очередности у матерей, Западная Сибирь, сельское население	40

ВВЕДЕНИЕ

Брак и семья на протяжении многих столетий являются неотъемлемыми элементами социальной структуры любого общества. Они считаются фундаментальными социальными институтами, обеспечивающими воспроизводство и устойчивость человеческого общества.

К середине XX века в России, в большинстве промышленно развитых европейских и североамериканских стран исторически сложился и стал наиболее распространенным тип нукlearной семьи, основанной на моногамном браке, – это супруги, работающие вне дома, и их дети (зачастую один ребенок). Тип отношений между супругами в такой семье довольно демократичен, так же как и отношения между родителями и детьми.

Для тех обществ, где нукlearная семья является преобладающим типом семейной жизни, свойственны и определенные характеристики демографических процессов, а именно: сравнительно позднее вступление в брак, невысокая рождаемость, относительно частые разводы, а во второй половине XX века статистикой все чаще стало фиксироваться снижение числа официально регистрируемых браков и рост внебрачной рождаемости. В социальном плане в таких странах существует, как правило, хорошо развитая система помогающих семье институтов: детских учреждений, здравоохранения, обслуживающих предприятий.

Такой тип семьи был не всегда; значительно более длинную историю имеет многопоколенная семья с 3 – 4 детьми, с помогающими вести хозяйство родственниками. В такой семье, тип которой можно назвать традиционным, жена, как правило, была занята обслуживанием, ведением домашнего хозяйства; отношения между мужем и женой, между поколениями (детей, родителей и прародителей) были построены на строгом подчинении «старшему». Демографические же характеристики стран и обществ, где был (или остается и сейчас) преобладающим такой тип семьи, состояли в высокой рождаемости, практически отсутствии безбрачия и разводов. Уровень социально-экономического развития таких стран и обществ можно было бы охарактеризовать как аграрный, «традиционный».

Таким образом, три компонента жизни общества проявляют относительную согласованность в процессе исторического развития: а) состояние семьи, особенности устройства семейной жизни, включая возможность выбора линии поведения в «личной жизни», б) демографическая ситуация, в) уровень социально-экономического развития.

Конечно, не во всех странах и не одновременно происходили изменения этих компонентов. Но, зная характеристики для данного общества одного из них, можно с определенной уверенностью представить направле-

ние тенденций в двух других. И здесь не обсуждается вопрос о «первичности» какого-либо компонента; ясно, что они взаимосвязаны и взаимосвязь эта, по-видимому, объективна. Однако в истории общества это их взаимодействие проявлялось с огромным лагом – в несколько веков, во всяком случае, для европейской и российской истории.

И сейчас еще между европейскими странами существует дифференциация по степени «согласованности» социально-экономического, демографического и брачно-семейного компонента развития. Но наличие многовековых лагов между технологическими, демографическими, семейными и сексуальными «революциями» можно понять, если знать, что поведение людей в сфере брака, секса, рождения детей всегда строго регламентировалось культурными нормами, религией, обычаями, традициями, по существу имевшими жесткий, запретительный характер (табу). Поскольку такие события, как вступление в брак, образование семьи, рождение потомства, базируются на биологическом различии мужчин и женщин, сексуальные отношения между ними, принципы воспитания подрастающего поколения всегда, начиная с первобытного общества, были предметом строгого социального контроля со стороны общины, церкви, государства, дабы не нарушилось воспроизводство человеческого рода. Так что ослабление запретов, изменение культурных норм, стереотипов поведения мужчин и женщин в сфере воспроизводства потомства – процесс очень длительный, он происходил на протяжении всей истории человечества, но стал особенно заметен в последние 200 – 300 лет и продолжается и, возможно, ускоряется сейчас – в разных обществах по-разному.

В данном учебном пособии рассматривается один из аспектов социологии семьи, немаловажный для понимания сути институтов брака и семьи, а именно демографический «базис» процессов, изучаемых социологией семьи. Так что основная цель работы – акцентировать внимание читателя на двух взаимосвязанных компонентах общественного развития: *демографической сфере* и *семье* с точки зрения изучения и объяснения происходящих в них современных процессов. Поэтому в пособии приводятся только те основные положения, определения и результаты исследований, с помощью которых проясняются обсуждаемые проблемы. Соответственно, не приводятся и не обсуждаются многие другие определения и вопросы, относящиеся как к демографической науке, так и к социологии семьи. Практически совсем не затрагивается тема экономической стороны жизни семьи, поскольку есть надежда, что у заинтересованного читателя найдется возможность самостоятельно изучить литературу, где содержатся различные, соответствующие разным исследовательским задачам, определения: семьи, видов семейного, демографического поведения, функций семьи, форм и типов семьи и т. д.

Пособие состоит из трех частей. Логика структуры учебного пособия объясняется глубокими взаимосвязями демографических процессов в обществе с трансформацией социальных институтов брака и семьи. В современных обществах эта трансформация проявляется в распространении таких явлений, как неофициальные супружеские союзы и внебрачные рождения. Поэтому в первой главе изложены основные идеи курса лекций «Социология семьи», раскрывающие объективную историческую демографическую предопределенность современного этапа эволюции семьи и моногамного брака. Вторая глава содержит материалы демографических и социологических исследований таких современных явлений, как распространение неофициальных супружеских союзов и внебрачных рождений^{*}. Третья глава – это основные положения и результаты, полученные в разведывательном исследовании «Социальные аспекты отцовства»^{**}.

Автор выражает признательность профессору Г. С. Батыгину за критические замечания и ценные советы при подготовке учебного пособия.

^{*}Исследование внебрачного материнства проведено автором в рамках проекта, поддержанного Фондом Макаруров; изучение неофициальных супружеских союзов проведено при поддержке Фонда Форда.

^{**}Исследование проведено в рамках проекта «Партнерство кафедры общей социологии ЭФ НГУ и факультета социологии МВШСЭН», финансируемого Институтом «Открытое Общество» (Фонд Дж. Сороса). Продолжение проекта поддержано Фондом Макаруров (#00-62626).

Глава 1

СЕМЬЯ И БРАК В КОНТЕКСТЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

§ 1. Дискуссия о современном состоянии социальных институтов брака и семьи

Исследования семьи, брака, рождаемости ведутся в социологии, психологии, демографии, этнографии, других общественных науках. Многие из классиков социологии считали семью частью социальной структуры, рассматривали её как фактор изучаемых ими процессов, но не исследовали институты брака и семьи специально (М. Вебер, К. Маркс, Э. Дюркгейм, В. Парето). В то же время проблема теоретического представления семьи и брака поднималась в работах известных социологов, демографов, антропологов. Например, П. Сорокин ещё в 1913 г. в статье «Кризис современной семьи» приводит эмпирические свидетельства того, что он называет «углубляющимся кризисом» института семьи. П. Сорокин обсуждает такие явления, как растущий показатель разводов, уменьшение числа заключаемых браков, удовлетворение полового влечения вне брака, рост числа внебрачных детей, аборт, проституция; уменьшение числа детей в браке, эмансипация женщин, превращение брака в светский институт, передача государству воспитательных, образовательных и опекунских функций. В более поздних работах П. Сорокин трактует эти же процессы, происходящие в сфере семьи и брака, уже более умеренно, не в терминах кризиса и деградации, а называет их флуктуацией, интеграцией – дезинтеграцией (см.: [Голод С. И., 1998. С. 41 – 47]).

Во всех современных исследованиях брака и семьи приводятся данные, подтверждающие продолжение перечисленных выше процессов в сфере брака и семьи. Эти тенденции наблюдаются практически во всех европейских, североамериканских странах, в России, в странах СНГ; в разных обществах они отличаются лишь исторической длительностью, глубиной проникновения в культуру. Однако одни ученые интерпретируют их как доказательства кризиса института моногамного брака, семьи, другие рассматривают происходящие процессы как свидетельства трансформации этих институтов.

«Парадигма кризиса и риска» состоит в том, что постулируется вероятность такого результата функционирования социума, который свидетельствует о крахе социальных систем и крахе экзистенциальных (существовательных) опор общества [Антонов А. И., 1996]. В теории кризиса семьи, анализирующей возникновение социальных ценностей и приоритетов,

продуцирующих разного рода риски и угрозы, учитывается (предсказывается) перспектива разрушения самого института семьи и моногамии, что грозит депопуляцией и казарменной социализацией новых поколений. При этом предполагается и угроза прямого вымирания общества.

Сторонники другой парадигмы, так называемой «прогрессиистской» [Попеное Д., 1996], считают, что переход от традиционной к современной семье, плюрализм форм брака и семейных структур не должны интерпретироваться однозначно, как отклонение от нормы. Скорее, они являются признаком существенных и необратимых эволюционных сдвигов в самом институте семьи [Голод С. И., 1998; Вишневский А. Г., 1992]. Эти ученые полагают, что закономерности изменения семьи созвучны общесоциальным переменам, т. е. модернизация общества влечет за собой и трансформацию отдельных его институтов. Модернизация брака и семьи, происходящая как в России, так и во всех европейских и североамериканских странах, охватывает многие аспекты частной жизни: взаимоотношения женщин и мужчин, взрослых и детей – родных и приемных. По существу, в сфере семьи и брака уже на протяжении нескольких десятилетий происходит ослабление и даже ломка традиционных, патриархальных устоев, ролей, представлений, стереотипов. В основе этих изменений ценности XX века: расширение свободы выбора для мужчины и для женщины как в семейной, так и в общественной сфере, равенство супругов-партнеров, большие возможности для самореализации и контактов между поколениями. В статистике же процесс модернизации семьи проявляется в повышении частоты разводов, вступлений в повторные браки, во всё большем распространении неофициальных супружеских союзов, внебрачной рождаемости.

Очевидно, что в ходе научной дискуссии приводятся аргументы, заслуживающие внимания, и предлагаются меры, направленные на поддержание того или иного развития событий. Но, исходя из многовековой стабильности институтов брака и семьи, все-таки никто не допускает возможности полного краха семьи вообще и ее основы – моногамного брака.

§ 2. Основные определения

Социология семьи – область социологии, изучающая семейную жизнь людей в конкретных культурных и социально-экономических условиях. История становления социологии семьи с той или иной степенью подробности содержится в трудах, учебниках известных отечественных социологов-фамилистов (см., напр. [Антонов А. И., Медков В. М., 1996; Голод С. И., 1998]).

Семья как социальный институт представляет собой совокупность исторически сложившихся устойчивых социальных норм, санкций и образ-

цов поведения, регламентирующих отношения между супругами, родителями и детьми, другими родственниками. Социальная потребность появления института семьи обусловлена необходимостью продолжения человеческого рода, производства самого человека. Свидетельством стабильности, устойчивости семьи как элемента социальной структуры является многовековое воспроизводство всего многообразия культур и социумов в мире. Кроме того, международная статистика, данные многочисленных переписей населения показывают, что число семей постоянно растет, причем относительный прирост числа семей, брачных пар во многих странах, в том числе и в России, опережает относительный прирост численности населения.

Брак как социальный институт – совокупность социальных норм, санкционирующих союз между мужчиной и женщиной и обеспечивающих легитимность их потомства.

В институциональных определениях брака и семьи подчеркивается их социальная (общественная) необходимость для сохранения человеческого рода, а также сохранения и передачи из поколения в поколение норм и ценностей, принятых (господствующих) в данном обществе. Способность семьи на протяжении веков осуществлять первичную и последующую социализацию индивидов, обеспечивает преемственность освоения культурных ценностей, передачи навыков и норм поведения людей в данном обществе.

Вместе с тем, когда говорят об институциональном характере брака и семьи, отмечают динамичность их форм, эволюционный характер перемен, различия в тех или иных обществах. Так что для понимания этих перемен в институтах брака и семьи обычно приводятся исторические, сравнительные данные о типах и формах этих институтов в различных культурах и в различные эпохи.

Аналитический экскурс в историю происхождения семьи, соответствующий цели данного пособия – уяснению диалектической взаимосвязи состояния демографической сферы общества (жизнеспособность, выживаемость потомства) с формами социальных институтов брака и семьи, – содержится в работе С. И. Голода «Семья и брак: историко-социологический анализ». Автор пишет, что социологическое изучение семьи, эволюции её форм и типов активно происходит в XIX в.: в 1861 г. публикуется книга И. Бахофена «Материнское право», где выдвигаются объяснения исторической эволюции отношений мужчин и женщин с позиций рождения и ответственности за потомство. Затем в 1876 г. выходит труд Мак-Леннана «Первобытный брак», в котором также обсуждается и доказываются существование исторических этапов – переходов от родства по материнской линии к родству по отцовской линии [Голод С. И., 1998].

В 1877 г. вышла книга Льюиса Генри Моргана «Древнее общество», основная концепция которой изложена Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.).

Исторические *этапы эволюции брака, семьи* таковы (по Моргану):

Промискуитет – беспорядочные половые связи первобытных мужчин и женщин (40 – 50 тыс. лет назад). В половые отношения могли вступать любые родственники. Осознание людьми вредных биологических последствий кровно-родственного скрещивания ведет к возникновению запретов (табу).

Кровно-родственная семья – основана на групповом браке между братьями и сестрами двух родов (родными и сродными, т. е. двоюродными и троюродными). Брачные партнеры разделены по поколениям. Постепенно и на этом уровне осознается низкая жизнеспособность потомства, рожденного в результате кровосмесительных связей. Ужесточение запретов на кровосмешение.

Семья пуналуа – основана на *групповом браке* нескольких сестер, родных и сродных, с мужьями каждой из них, или групповом браке нескольких братьев с женами каждого из них. Причем эти их общие мужья или жены не обязательно родственники по отношению друг к другу. Стадо превращается в род, собственность коллективная. Рамки пуналуального брака суживаются ради более жизнеспособного потомства. При групповом браке происхождение может быть установлено только по материнской линии.

Парная семья – образование постоянных пар на более или менее продолжительный срок, но без исключения сожителства, т. е. один мужчина мог быть связан не с одной, а с несколькими женщинами одновременно. И женщина могла иметь несколько мужей. Возникновение индивидуального брака, дарообмена как символа заинтересованности в постоянной связи (традиция обмена обручальными кольцами). Переход от коллективной к частной собственности.

Моногамная семья – пожизненное единобрачие отдельных пар с исключением сожителства. Происхождение, наследование устанавливается по отцовской линии. Это служит базисом раздвоения морали на мужскую и женскую, устанавливаются двойственные (гендерные) социально-культурные нормы и стереотипы, неравенство мужчин и женщин.

В «Происхождение семьи, частной собственности и государства» критически изложена Ф. Энгельсом (вслед за Льюисом Генри Морганом) история возникновения социального феномена моногамного брака (союз одного мужчины с одной женщиной) как практически единственной формы биологического выживания популяции людей. Идеи историчности института брака, относительной автономности демографической сферы высказаны Ф. Энгельсом в тезисе о том, что воспроизводство как базис общества

включает в себя воспроизводство *средств для жизни* и воспроизводство *самой жизни*. Социальные институты семьи и брака представляют собой совокупность норм, ролей, статусов, направленных на удовлетворение потребностей общества в воспроизводстве жизни. Вообще, работы Ф. Энгельса дают основу для понимания сущности взаимосвязи состояния демографической сферы общества и функционирования институтов брака и семьи.

Воспроизводство населения – процесс непрерывного возобновления поколений людей. В *демографии* этот процесс рассматривается не как отдельные случаи рождения и смерти, а как множество соответствующих событий, происходящих в больших совокупностях людей. В последние десятилетия в определение воспроизводства населения включается не только физическое воспроизводство поколений людей, но и воспроизводство *демографических отношений*, социально детерминирующих возобновление поколений (см., напр.: [Вишневский А. Г., 1981]).

Демографическое поведение^{*} – система взаимосвязанных действий или поступков человека, направленных на изменение или сохранение его социально-демографического статуса.

Брачное (матримониальное) и репродуктивное поведение – виды демографического поведения.

Под *брачным поведением* понимаются поступки людей в связи с заключением и прекращением браков. В демографии брачное поведение рассматривается в основном с точки зрения его влияние на рождаемость, т. к. большинство рождений осуществляется в браке, известны основные закономерности этого влияния.

Демографически значимыми аспектами брачного поведения являются:

- возраст вступления в первый брак и последующие браки,
- возраст расторжения первого и последующих браков,
- очередность брака,
- очередность развода,
- продолжительность безбрачного периода: до вступления в брак и между браками.

Социологическими феноменами брачного поведения являются:

- идеальные представления о партнере,
- выбор партнера, мотивация,
- способы, сроки ухаживания,

^{*}Это и следующие определения видов демографического поведения приводятся по: Мацковский М. С. Поведение демографическое. Народонаселение // Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия. 1994. С. 323.

- оглашение, легитимизация отношений: формальное или неформальное (но санкционированное) обручение, заключение союза,
- удовлетворенность – неудовлетворенность супружеством,
- устойчивость – неустойчивость союза,
- распад союза, прекращение супружеских отношений.

Сожительство (cohabitation) – официально незарегистрированный долговременный (не менее 2 лет) супружеский и хозяйственно-бытовой союз мужчины и женщины. В том случае, если в сожительстве рождается ребенок (дети), правильнее назвать его неофициальным браком, бракоподобным союзом*.

Репродуктивное поведение – этим термином обозначается поведение в связи с рождением ребенка или отказом от рождения (в браке или вне брака). Этот термин заимствован из биологии. Иногда такое поведение обозначается термином *генеративное* или *прокреативное* поведение.

Важнейшие *демографические* характеристики репродуктивного поведения:

- общие, специальные коэффициенты рождаемости,
- число детей в семье,
- сроки их рождения (протогенетический, интергенетический интервал),
- возраст матери,
- брачное состояние матери при рождении ребенка той или иной очередности.

Социологические феномены:

- потребность в детях (идеальное, желаемое, ожидаемое число детей),
- потребность в родительстве – материнстве, отцовстве,
- внутрисемейное планирование числа детей (*контрацептивное поведение*),
- социально-экономическая обусловленность реализации идеальных представлений (например, «обратная связь» между благосостоянием и числом детей на ранних этапах демографического перехода).

В некоторых работах в генеративное поведение (кроме деторождения) включается:

- уход за детьми,
- воспитание, обучение детей,

*Называть сожительство гражданским браком некорректно, поскольку **так** в дореволюционной России назывались браки, зарегистрированные в гражданских (государственных) органах, но не прошедшие обряда церковного венчания. В современных условиях в России не может быть произведен церковный обряд венчания без документального свидетельства о государственной регистрации брака. Стало быть, гражданский брак – это и есть официально зарегистрированный брак.

- приобретение взрослыми индивидами новых социальных и психологических свойств.

Внебрачное рождение – рождение ребенка женщиной, не состоящей в этот момент в зарегистрированном (юридическом) браке.

Витальное (самосохранительное) поведение – термин обозначает поведение, направленное на сознательное или неосознанное сохранение здоровья и жизни или, наоборот, на их разрушение. Исследования данного вида демографического поведения пока не получили развития, хотя эти виды поведения изучаются при анализе факторов смертности и актуальны для анализа процессов воспроизводства населения.

§ 3. Дилемма специализации наук: социология семьи и демография

Вопрос о соотношении двух отраслей знаний – социологии семьи и демографии впервые рассматривается К. Девисом, и весьма основательно, в статье «Социология демографического поведения» [Девис К., 1965]. Он пишет, что в отличие от других отраслей социологии, изучающих социальную стратификацию, трудовые отношения или, например, систему образования, демография как общественная наука занимает обособленное положение. Это, по его мнению, связано с тем, что демография не выделилась из социологии как отрасль, не сформировалась в специальную дисциплину внутри общей социологии по мере своего развития. Наоборот, демография старше социологии и своими корнями, как самостоятельная дисциплина, восходит к политэкономии, статистике, медицине и биологии. И только со временем она стала «смыкаться» с социологией. Но и там, где между этими двумя науками установилась наиболее тесная связь – в США, Англии, Польше, – наука о населении остается одной из самых независимых из общественных наук.

Применение обширных статистических данных, формальных и корректных демографических показателей позволяет исследователям получить адекватные представления о процессах, происходящих в демографической сфере общества – воспроизводстве населения. Специализация на воспроизводственном процессе *в целом* – «рождаемость + смертность + миграция + возрастная структура» – становится плодотворной на уровне теоретических обобщений в контексте глобальных процессов, но, к сожалению, не дает возможности полноценного объяснения многих аспектов демографического, по существу семейного, поведения людей в том или ином обществе, в конкретных социально-экономических условиях.

Если же специализация происходит попредметно, т. е. изучаются проблемы рождаемости, проблемы смертности, проблемы миграции и т. д., то исследовательский поиск сочетается с интересом к соответствующим от-

раслям социологии. Например, изучение миграции становится более плодотворным в сочетании с исследованием урбанизации, отношений мигрантов с коренным населением, состоянием рынков труда.

К. Дэвис приводит следующие направления исследований, в которых, по его мнению, успешно сочетаются *демографический* и *социологический* подходы [Дэвис К., 1965]:

1) изучение рождаемости во взаимосвязи с социологическими исследованиями установок, мотивации, намерений в зависимости от условий жизни и работы женщины (1960 – 1970 гг.). В рамках этого направления можно выделить:

- исследования мотивации вступления в брак,
- изучение причин и факторов, влияющих на решение о разводе,
- изучение мнений о числе детей (о величине семьи);

2) изменения в демографической сфере общества в зависимости от состояния социальных институтов брака, семьи, экономических и социальных трансформаций (например, в России в 1990-е гг.);

3) ситуации на рынке труда – соотношение контингента рабочей силы с половозрастным составом населения и экономическими институтами общества;

4) семья с точки зрения демографии.

Эти направления имеют общие черты: во-первых, они содержат сравнительный анализ различных обществ – в историческом плане, на современном этапе или же то и другое. Во-вторых, в них анализируются двусторонние отношения – между демографическими процессами и социальной структурой. В-третьих, основным методологическим приемом является изучение мотивации и установок, но используются и демографические методы как один из важнейших составных частей научного анализа (см., напр.: [Антонов А. И., 1980]).

С точки зрения социолого-демографического направления исследований перспективными являются темы, сочетающие изучение социальной структуры, мнений, установок, предпочтений людей с корректным демографическим анализом.

Примеры менее перспективных направлений *социолого-демографических* исследований:

а) изучение и анализ «качества населения» – интерес к данной теме падал по мере ослабления концепции биологического детерминизма, достижений в области генетики, сделавших этот предмет недоступным для неспециалистов, а также из-за националистических выводов некоторых сторонников евгенических концепций. В последнее время появились работы, доклады, в которых анализируются индексы человеческого развития – ИЧР, которые вычисляются по специальным формулам, учитывающим

долголетие, образованность, благосостояние (см., напр.: [Саградов А., 2000]);

б) тема смертности – в этом направлении изучаются скорее вопросы заболеваемости и социально-медицинской профилактики, но не витального поведения, т. е. мотивации и отрицательного отношения;

в) прогнозирование численности и состава населения – технические расчеты, не оправдавшие, по мнению К. Дэвиса [1965], доверия предсказания будущих событий, не содержащие «заказа» на социологические объяснения.

Таким образом, плодотворность исследования процессов в сфере воспроизводства населения, семейной жизни, населения зависит не только от того, насколько грамотно социолог использует демографическую информацию, но и от того, насколько результативно сочетается социологическая методология и методика с демографическим анализом. Одним из таких направлений является интерес демографа – исследователя рождаемости и брачности – к *социологии семьи*, к *гендерным исследованиям*, и наоборот: социологу, исследующему проблемы семьи, необходимо уделять внимание динамике рядов статистических показателей рождаемости, брачности, разводимости.

Для научного анализа в этом направлении существует целый ряд документальных источников информации: данные переписей населения, текущей статистики населения, специальных обследований, проводимых статистическими службами на уровне государства, отдельных регионов. В них содержится обширный материал о создании, формировании и распаде семьи, о брачном состоянии людей, составе семьи, репродуктивной функции, воспроизводстве населения, типах домашних хозяйств. От анализа статистических материалов в демографических целях всего один шаг до социологического изучения семьи как социального, культурного феномена, о чем свидетельствуют работы известных демографов Э. Васильевой «Семья и её функции» (1975), А. Волкова «Семья как объект демографии» (1986), социологов Н. Римашевской, Д. Ванной и др. «Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 г.» (1999), «Семья на пороге третьего тысячелетия» – совместное российско-американское исследование семьи.

Насколько можно судить по литературе, в настоящее время взаимодействие социологии и демографии в деле изучения семьи всё более усиливается, и результаты таких исследований подтверждают целесообразность этого симбиоза. И, по-видимому, интерес к этой теме будет возрастать. Однако К. Дэвис в связи с этим указывает на следующую проблему: располагая большим объемом статистических фактов, исследователь-социолог стремится «объяснить» их динамику. Но, не зная закономерно-

стей демографических процессов, не имея навыка специального анализа и не располагая другими данными, имеющими непосредственное отношение к существу дела, наспех придумывает какую-нибудь «временную» теорию и переходит к подробному изложению следующей подборки выбранных им статистических данных.

В качестве наглядного примера подобного теоретизирования можно привести «закон семейного взаимодействия» Г. Киркпатрика, согласно которому число членов семьи увеличивается в простой арифметической прогрессии, в то время как число личных связей – в геометрической прогрессии. Этот «закон» позже использовался в качестве аргумента предпочтительности малых семей в современном динамичном обществе [Kirkpatrick G., 1963]. Другим примером может служить довольно распространенный штамп, встречающийся как в публицистике, так и в научной литературе: якобы, о деградации семьи свидетельствуют высокие проценты (50, 60 и даже 80 и 90 %*) разводимости по данным ежегодной статистики. Однако эти проценты характеризуют лишь соотношение чисел заключенных браков и зарегистрированных разводов в одном и том же календарном году, что вовсе не отражает действительную частоту разводов среди всех брачных союзов. Реальную же интенсивность разводимости как социального процесса корректно измерять соотношением числа разводов с общим числом брачных пар. Этот показатель составляет 1,5 – 3 % даже в таких странах, как США, Франция, Россия, где уровень разводимости наиболее высок.

Формулирование подобных «закономерностей» происходит потому, что теорию семьи часто разрабатывают социологи, философы, историки, антропологи, этнографы, не имеющие представления о том, какие материалы могла бы предоставить в их распоряжение статистика, демография.

Особенно полезна демография в области, которую можно назвать макросоциологией семьи, т. е. для сравнительного исследования семейной структуры населения, анализа семейных изменений и соотношения семьи с обществом, социумом. Причем демография оказывается полезной не только в эмпирической сфере, но и в теоретической – ведь выявление закономерностей, объяснение изменений в режимах воспроизводства населения, в составе населения одновременно является в известной степени и объяснением изменений внутри семьи в связи с одной из её важнейших функций – рождением и воспитанием детей. И этот аспект семейной жизни яв-

*Этот показатель может даже и превышать 100 %, что и наблюдается в некоторых областях России и обсуждается в терминах деградации семьи в статье А. Акопяна [1997].

ляется главной потребностью общества, придающей браку и семье институциональный характер. Так что состояние демографической сферы общества (демографическая ситуация) составляет тот базис, который «запускает» социальные механизмы регулирования сексуального, брачного, семейного поведения людей.

§ 4. Динамика численности мирового населения (история и современность)

История человечества на Земле насчитывает около 35 – 40 тыс. лет. За это время численность людей выросла от нескольких сот тысяч до 6 млрд человек. Причем рост этот можно представить (если говорить о человечестве в целом) в виде крутой экспоненты. Данные об этом росте содержатся в табл. 1. (Здесь и далее в § 4 данные приводятся по: Акимов А. На пороге седьмого миллиарда // Население и общество: Информ. бюл. № 39. 1999).

Таблица 1

Динамика численности населения мира за 10 тыс. лет

Год	Млн чел.
8 000 до н. э.	5
0 н. эры	300
1200	450
1650	500
1750	795
1850	1265
1900	1656
1950	2516
1999	6000

По расчетам ООН, в конце 1999 г. на Земле родился шестимиллиардный житель. На фоне исторической динамики населения мира его прирост во второй половине XX в. выглядит беспрецедентным. К 2050 г. численность населения Земли приблизится к 9 млрд. (прогноз ООН) 1998 г.

Рост населения мира продолжает замедляться. Прогнозы ООН 1996 г. по снижению годового прироста не оправдались. Замедление связано, как утверждается в документах ООН, с успешной пропагандой противозачаточных средств и прогрессом в области планирования семьи в тех странах, где совсем недавно рост численности населения был очень высок.

**Сроки увеличения населения мира на 1 млрд чел.
начиная со второго миллиарда**

Миллиарды	Число лет	Годы
2-й	124	1801 – 1925
3-й	34	1925 – 1959
4-й	15	1959 – 1974
5-й	12	1974 – 1986
6-й	13	1986 – 1999
7-й	14	1999 – 2013*
8-й	16	2013 – 2029*
9-й	25	2129 – 2054*

Сост. по: Акимов А. На пороге седьмого миллиарда... // Там же.

*Вариант прогноза ООН, разработанный в 1998 г.

Главной особенностью демографических процессов в мире все еще остается сохранение двух очень разных типов населения – населения развитых и развивающихся (по классификации ООН) стран. Более трети прироста приходится всего лишь на две страны – Индию и Китай, еще на 8 стран приходится 25 % мирового прироста (Пакистан, Индонезия, Нигерия, США, Бразилия, Бангладеш, Мексика, Филиппины).

Численность же населения европейских стран в целом фактически снижается уже с 1996 г. Низкий и даже отрицательный естественный прирост не представляют собой ничего необычного в конце XX в. Об этом говорит, в частности, опыт многих европейских стран: даже в тех из них, где естественный прирост сохраняется, он невелик и, как правило, уменьшается. В некоторых западноевропейских странах: Дании, Бельгии, Германии (ФРГ, а потом и ГДР), Венгрии абсолютная убыль населения фиксировалась с середины 70-х годов. В 2000 г. отрицательным сальдо естественного прироста характеризовалось население следующих стран: Швеции, Эстонии, Латвии, Литвы, Беларуси, Болгарии, Чехии, Венгрии, Румынии, России, Украины, Хорватии, Италии, Словении*.

Доля населения Европы сегодня составляет 12 % от всего мирового населения, тогда как в 1950 г. в Европе жило 22 % мирового населения. Цифры, характеризующие эти стороны жизни стран и континентов, нужно интерпретировать с большой осторожностью, поскольку в масштабах планеты связь между демографическим весом страны, а тем более континента, и экономическим и политическим весом весьма расплывчата. Например, в США проживает лишь 5 % мирового населения.

*2000 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau, Washington, 2001. P. 8 – 9.

Тенденции снижения численности населения в европейских странах сопровождаются процессом демографического старения. Если в 1950 г. доля населения в возрасте старше 60 лет составляла 12 %, то в начале 2000 г. она оценивалась уже в 20 %, причем, в Швеции, например, эта доля была равна 25 % уже в 1985 г., но сейчас снизилась в результате роста рождаемости в этой стране. Доля пожилого (старше 65 лет) населения в странах с высокой рождаемостью (Индия, Китай, Пакистан, Индонезия, Нигерия, Бразилия, Бангладеш, Мексика, Филиппины) составляет 5 – 6 %. В США этот показатель равен 13 %**.

Что касается России, то динамика численности ее населения и скорость демографического старения схожи с теми, что наблюдается в европейских странах – здесь также происходит убыль населения, доля пожилых людей равна 19 %.

Рождаемость и смертность – две компоненты процесса воспроизводства населения, современное соотношение которых и проявляется как демографический взрыв. Однако значение характеристик этих компонент принципиально различается в развитых и развивающихся странах. В европейских странах рождаемость начиная с 1960-х годов была на уровне 1,9 – 2,0 (коэффициент суммарной рождаемости), в конце XX в. он снизился до 1,5. В странах Восточной Европы прирост населения был также очень низок в 90-х годах. В развивающихся странах коэффициент суммарной рождаемости сохраняется на уровне 3,2 – 3,8.

В показателях смертности, продолжительности предстоящей жизни также существует значительная дифференциация между развитыми и развивающимися странами. В целом же прогресс в деле сохранения жизней людей в XX в. огромный. Глобальный показатель продолжительности предстоящей жизни в мире составляет:

1950 – 1955 гг.	– 46,0 лет
1970 – 1975 гг.	– 61,1 года (в африканских странах – 51,3 года)
2000 г.	– 65 лет
2025 г.	– 70,5 лет

Наибольшая продолжительность предстоящей жизни в Японии: 1990 г. – 78,8 года, но к 2025 г. она снизится до 77 лет из-за демографического старения населения.

Важнейшим показателем демографического развития общества является коэффициент младенческой смертности (число умерших на 1 тыс. родившихся живыми). Динамика мирового уровня этого коэффициента такова (‰):

** Там же. Р. 4 – 7.

1950 – 1955 гг. – 156
1985 – 1990 гг. – 71
1999 г. – 57.

При этом в развитых странах данный коэффициент в конце XX в. равен 8 ‰, а в развивающихся – 68 ‰.

За период с 1950 г. произошло уменьшение коэффициента младенческой смертности (‰):

развитые страны	– с 56 до 8
развивающиеся страны	– со 180 до 68
Африка	– со 191 до 88
Азия	– со 180 до 56
Китай	– со 195 до 31 (!)
Сев. Америка	– с 29 до 7 (биологический предел)

Как видим, в демографии как науке о воспроизводстве населения применяются обширные статистические данные, позволяющие исследователям выявлять закономерности этого процесса. Однако полноценно объяснить многие аспекты поведения людей в семье, в жизненных ситуациях формирования брачного союза дает возможность подключение, с одной стороны, такого понятия, как «демографическое (брачное, репродуктивное, семейное) поведение», с другой – теорий, объясняющих закономерности развития демографической сферы общества. Такой универсальной концепцией можно считать теорию демографических переходов или исторических типов рождаемости по Вишневскому [Вишневский А. Г., 1982].

§ 5. Теория демографических переходов: социологические аспекты

Основателем теории принято считать А. Ландри. Главная идея теории демографического перехода состоит в том, что в основе изменения режимов воспроизводства населения в том или ином обществе лежит степень развитости ценностно-нормативных регуляторов рождаемости. Важнейшими из них являются табу, ритуалы, этикеты, нормы, обычаи, законы. Степень жесткости (или даже жестокости) требования к их соблюдению и определяет эволюцию режимов воспроизводства населения и, соответственно, институтов брака и семьи.

А. Ландри выделил три режима воспроизводства населения и 3 стадии демографического перехода см. по: [Вишневский А. Г., 1982]:

1) «Примитивный режим» – высокая рождаемость, колебания численности населения зависят от смертности, обусловленной недостатком или избытком продовольствия; иррациональность брачного, репродуктивного поведения.

2) «Промежуточный режим» – под влиянием развития медицины, технического прогресса, гигиены смертность начинает снижаться. Появляются тенденции к изменению репродуктивного поведения: сначала через откладывание браков, затем посредством внутрисемейного регулирования; переход к рациональности поведения в сфере брака и семьи.

3) «Современная эпоха» – в обществе преобладает тенденция массового внутрисемейного планирования числа и сроков рождения детей; брачное и репродуктивное поведение максимально рациональное.

Идеи А. Ландри оказались плодотворными, их разработки продолжают и сейчас. Исследователи-демографы находили подтверждения этим закономерностям в разных обществах, анализируя дифференциацию рождаемости в переходные периоды по доходам, по образованию матери, по социальным группам. В результате первого демографического перехода произошло существенное снижение рождаемости, начавшееся около 1800 г. в большинстве европейских стран, но раньше всего во Франции. К 1930 г. и рождаемость и смертность были везде на низком уровне.

Общества различаются по типам и этапам демографического перехода [Павлик З., 1979]:

- японо-американский тип – 2 этапа:
 - 1 – при снижении смертности рождаемость растет, что приводит к стремительному росту численности населения,
 - 2 – при продолжающемся снижении смертности происходит снижение рождаемости;
- английский тип – 2 этапа:
 - 1 – смертность снижается при постоянном высоком уровне рождаемости, численность населения плавно повышается,
 - 2 – оба показателя быстро снижаются;
- французский тип – 1 этап:
 - 1 – рождаемость и смертность снижаются одинаковыми темпами, численность населения стабилизируется.

В рамках теории демографического перехода важным является понимание того, что снижение рождаемости происходит в результате ослабления жесткости ценностно-нормативной системы в этой сфере: моральных норм, обычаев, традиций, религиозных доктрин, направленных на поддержание высокой рождаемости.

В середине XX в. Дж. Колдуэлл предположил, что теория демографического перехода не распространяется на современные развивающиеся страны, т. к. в них иная социальная организация, иной образ жизни, идеология см.: [Вишневский А. Г., 1982]. Так что рождаемость в них может начать снижаться и без существенных экономических перемен, но под влиянием «экспорта» европейской «семейной суперструктуры» в разви-

вающиеся страны, под действием «программ планирования семьи». Поэтому демографический переход в развивающихся странах в наше время может зависеть от быстроты принятия их обществом западных образцов брачного и семейного поведения.

Исследования и теоретические выкладки по демографическому переходу, опирающиеся на европейский опыт 1930-х гг., обычно заканчиваются на стадии «нулевого» или стационарного роста населения. Стадия долгосрочного уменьшения населения, надвигающаяся сейчас на Европу, тогда была названа *постдемографическим переходом*. Но его специфические черты в Европе оказались настолько схожими для многих стран, что весь процесс теперь называют *вторым демографическим переходом* [Van de Kaa D. J., 1988].

Начало второго демографического перехода можно условно установить на середине 60-х годов XX в., после Второй мировой войны и после «бэби-бума», последовавшим за ней. Принципиальная количественная черта второго перехода – снижение рождаемости от уровня немного выше простого воспроизводства – 2,1 рождений на женщину, что устанавливалось балансом рождений и смертей, а население сохранялось постоянным (стационарным) продолжительное время – до уровня ниже простого воспроизводства.

Если рождаемость остается ниже уровня воспроизводства, как это происходит в Европе, и не компенсируется эмиграцией, численность населения рано и поздно будет снижаться, как это происходит уже с 1985 г. в четырех странах: Австрии, Дании, ФРГ и Венгрии. На рубеже веков отрицательный прирост населения наблюдался в иных, в основном восточноевропейских странах (см. с. 19). Изменения в смертности и миграции – двух других переменных, которые формируют численность населения, имеют относительно небольшое значение во время второго перехода.

Два ключевых слова характеризуют нормы и отношения во времена первого и второго демографического перехода и ясно показывают различие между ними: *альтруизм и индивидуализм*. Для нормативной культуры первого перехода на низкую рождаемость центральным моментом было внимание к семье и потомству, важность их для человека. Но второй переход акцентирует *права и самовыражение личности*. Социодемограф Рон Лестег (один из авторов термина и сторонник теории второго демографического перехода) убедительно доказывает, что урбанизация, индустриализация и секуляризация были косвенными детерминантами *первого перехода*. Секуляризация снижала влияние церкви и повышала готовность супругов к ограничению рождений. Число детей в семье сознательно ограничивалось супругами, воспитанию и образованию детей стало уделяться большое внимание. Семья стала детоцентристской [Голод С. И., 1984].

Косвенные детерминанты *второго перехода* не так легко установить. Исследователи-демографы и социологи семьи пока не пришли к согласию в этом вопросе, хотя многие считают, что эти детерминанты обусловлены воздействием индивидуализма в быстро меняющемся постиндустриальном обществе. В таких обществах стандарт жизни индивида определен, главным образом, его уровнем образования, степенью поддержки социальных целей, мотивацией персонального развития и использования своего таланта, способностей. Это относится и к мужчинам, и к женщинам, которые одинаково стремятся к получению собственного дохода, к карьерным достижениям, экономической и социальной независимости. Между тем вступление в брак и/или рождение детей может существенно усложнить реализацию этих стремлений, чаще всего для женщин.

По-видимому, главная количественная черта второго перехода, проявляющаяся в статистических показателях, – это изменение общепринятой последовательности событий формирования семьи, что выражается в четырех важнейших моментах [Van de Kaa D. J., 1988]:

- 1) поворот от «золотого века» брака к распространению сожителств;
- 2) поворот от детоцентристского типа семьи к супружеской семье с ребенком, где центром отношений являются чувственные, любовные (супружеские);
- 3) поворот от контрацептивного поведения как предупреждающей зачатие компоненты репродуктивного поведения к контрацепции как самоценной компоненте сексуального поведения;
- 4) поворот от единообразия моногамии к плюрализму форм семьи и домохозяйства.

До 80-х гг. XX в. такие процессы наблюдались в Дании, Швеции, странах Северной Европы, где уровень рождаемости составлял 10 – 12 ‰. С середины 1980-х отказы от официального брака стали распространяться в Греции, Португалии, Испании.

Исходя из теоретических представлений, объясняющих изменения в демографической сфере, можно интерпретировать и изменения в браке и семье не как отклонения от нормы, а как признаки существенных эволюционных сдвигов в самих социальных институтах брака и семьи. Основное нормативное требование, испокон веков контролировавшее традиционную моногамию, состояло в непрременной слитности и однозначно заданной последовательности трех видов демографического поведения: брачного, сексуального, репродуктивного. Такая непрменная последовательность абсолютно исключала какой бы то ни было выбор линии поведения людей в семейной жизни. Эта «сцепленность» видов семейного поведения, характерная для традиционной нормативной системы, показана в левой части рисунка [Голод С. И., 1984].

Социологически это означает, что нормы семейного поведения были направлены на запрет сексуального поведения вне брака; нормы ранней и всеобщей брачности создавали возможность женщине максимально удлинить репродуктивный период, культурные нормы предписывали и неукоснительное выполнение «супружеских обязанностей». Рождавшиеся же в браке дети рассматривались как свидетельство соблюдения этих норм, как источник социального престижа, которого лишались и не состоящие в браке люди, и бездетные супруги.

Ослабление демографического давления как результат революционного снижения смертности, ставшего базой *первого демографического перехода*, вызвало нарушение слитности этих трех видов демографического поведения, и постепенно, на протяжении последних 200 – 300 лет происходило относительное разделение брачного, сексуального, репродуктивного поведения [Вишневский А. Г., 1982; Голод С. И., 1984]. Схематически это разделение показано в правой части рисунка [Голод С. И., 1984]. Автономизация трех видов демографического поведения привела к возникновению такой системы ценностей и отношений в сфере брака и семьи, которую можно считать фундаментально новой.

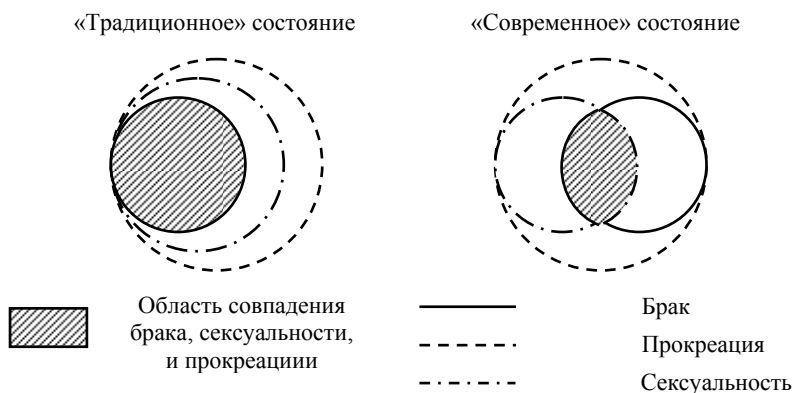

Рис. 1. Соотношение трех видов человеческого поведения – брачного, сексуального, прокреационного (сост. по: Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984. С. 8)

Из принципа автономизации с социологической точки зрения следует то, «что обнаруживается **неоднозначность, ненавязчивость, гибкость** нормативной системы брачного и семейного поведения современных людей. Действительно, предпочтительно, но не обязательно вступление в брак; желательно иметь детей, но и бездетность не представляется аномальным состоянием, т. е. современная нормативность, будучи социаль-

ным регулятором, в большей мере учитывает личностное своеобразие человека, чем нормативность традиционная» [Голод С. И., 1984].

С точки зрения научного исследования становится очевидной необходимость и возможность *раздельного анализа* внутренних закономерностей каждого из видов семейного поведения. Однако сама эта возможность открывается исключительно на стыке наук, и не только социологии и демографии. Например, *сексуальность* нельзя понять, изучая исключительно семью, как это делалось раньше. Раскрытие внутренних закономерностей сексуального поведения человека связано с комплексом естественных и общественных наук (биология, эндокринология, генетика пола, психология, этика, социология и т. п.). Идея автономности трех видов семейного поведения используется во многих исследованиях, например стабильности, перспектив семьи, и эта идея оказывается довольно плодотворной при анализе изменений её как социального института.

Существует и иная теория для объяснения современного состояния демографической сферы и института семьи. Это так называемая «полезностная» концепция. В ее основе лежит объяснение снижения рождаемости из-за уменьшения потребности в детях, полезности детей для семьи, выбора в результате соотнесения затрат на их воспитание и образование с потенциальной прибылью впоследствии. Понятно, что с ослаблением собственно демографических нормативно-ценностных регуляторов и с появлением возможности рационализировать брачное и репродуктивное поведение, люди оценивают свои потери и приобретения как при принятии решения о вступлении в брак или о разводе, так и при решении о рождении ребенка. И в русле данной теории существует множество исследований, главным образом экономических и эконометрических, в которых моделируется или объясняется стратегия поведения супругов как экономических акторов. Рождение ребенка или выбор супруга «на брачном рынке» ставится в этой концепции в один ряд с возможностью приобретения других благ (автомобиля, квартиры или даже обеспеченной старости и пр.). На предпосылке современного сверхрационального поведения членов американской семьи построена, например, и классическая работа Г. Беккера «Трактат о семье» [Becker G., 1981], в которой поведение членов семьи практически во всех аспектах семейной жизни объясняется их предпочтениями с точки зрения экономической выгоды.

Сильные и слабые стороны «полезностной» концепции детально анализируются А. Вишневым [1982]. Справедливости ради надо отметить, что эта концепция послужила базой для многих весьма продуктивных исследований в пору завершения первого демографического перехода, когда шел интенсивный поиск объяснений продолжающегося снижения рождаемости на фоне максимальной рациональности всех видов поведения лю-

дей, в том числе и репродуктивного, семейного. Но многое оставалось неясным в результатах этих исследований, и тормозом здесь была именно «неисторичность» и «недемографичность» данной концепции. Ведь никогда раньше (на этапах примитивного режима воспроизводства) поведение людей в сфере брака и семьи не было рациональным, и не всегда в наше время (во время второго демографического перехода) оно является рациональным, даже если это вполне современные люди. И сейчас есть такие аспекты частной жизни, как любовь, страсть, ревность, которые не «укладываются» в модели экономического, рационального поведения. Их проявления необходимо изучать и учитывать, тем более что их значение как проявления личностных, самоценных сторон жизни индивида значительно повышается в современных, модернистских обществах.

§ 6. Современная семейная жизнь в контексте модернизации общества

В сходных процессах, происходящих в сфере семьи и брака во многих странах, отражается модернизация демографической сферы общества. Социокультурная модернизация частной, семейной сферы происходит на основе объективных процессов, описываемых в терминах теории демографических переходов (первого и второго – [Lesthaege R., 1992]).

Реально существует довольно мозаичная картина типов семей: и патриархальная, и модернистская, и детоцентристская, и супружеская, и материнская, и отцовская. Но на общем фоне не вызывает сомнения предпочтительность супружеского типа семьи [Голод С. И., 1998]. Его главная характеристика – сочетание интимности и автономности. Достижение такого состояния – процесс сложный и многофазный, берущий начало ещё до образования семьи, основанной на браке. Образно говоря, для таких семей необходимо прохождение через «сито» ухаживания и относительно рациональный выбор супруга. Но и это не гарантия стабильности будущих отношений, а скорее, её потенциальная основа.

Новые формы семьи [Голод С. И., 1990; 1998]:

1. Монородительская семья;
2. «Сериальная моногамия»: повторные браки, новое распределение ролей, «разводные цепочки» («divorce chains»);
3. «Коммуны» различного типа, нетрадиционные стили жизни – с 20-х годов – сожительство вне брака (добрачное или внебрачное). Новое то, что этот тип стал признаваться и в общественном мнении, и в литературе как имеющий право на существование. Более того, сожительство до брака стало считаться даже весьма желательным, рассматривается как гарантия прочного брака, а внебрачное сожительство перестало скрываться от супруга, и, как результат, возникла форма «брак втроем».

4. «Открытый брак» – супруги принципиально считают необходимым иметь внебрачные сексуальные связи – образуются союзы нескольких пар, обменивающихся сексуальными партнерами (swinging).

Нетрадиционные стили, формы семейной жизни стали признаваться и в общественном мнении, анализироваться в научной литературе. В XX в. изменение последовательности событий, формирующих семью, и, более того, лояльность общества к этим изменениям в сфере брака и семьи стала настолько очевидной, что американский антрополог М. Мид (1970) констатировала существование так называемого двухступенчатого брака. Первая ступень – так называемый «индивидуальный брак», в который вступают с целью сексуального сожительства без рождения детей (этот брак часто не регистрируют). Вторая ступень – «родительский брак» заключается обычно с целью рождения детей. «Родительский» брак более прочный, «индивидуальный» может служить подготовкой ко второй ступени. Статистика подтверждает правоту наблюдений М. Мид.

Стало быть, именно репродуктивные намерения брачной пары, реальное поведение, направленное на рождение детей, являются наиболее актуальным основанием для перехода от неофициального союза к «законному». В этом, казалось бы «формальном», переходе содержится, по-видимому, глубинная сущность моногамной семьи как социального института, эволюция которого происходит на протяжении всей истории человечества, который и на рубеже третьего тысячелетия характеризуется относительной стабильностью.

По существу, в ходе модернизации меняется нормативно-ценностная база взаимоотношений женщин и мужчин, взрослых и детей, т. е. в этом процессе меняются и роли женщины-матери, мужчины-отца. В соответствии с меняющейся реальностью пересматриваются морально-этические и юридические нормы, расшатываются стереотипы и запреты. Вся история семейной жизни показывает, что на протяжении многих веков нормы, регулирующие семейные отношения, менялись в зависимости от смены идей и меняющихся внешних обстоятельств, отражавших уровень развития общества. И, по-видимому, эти нормы все дальше отходят от первоначального (первородного) смысла – сохранения популяции человека. В результате претерпевают значительные изменения социальные институты материнства, отцовства, детства.

Проблема материнства. В 1953 г. Джон Баулби в работе «Материнство и психическое здоровье» (см.: [Аберкромби Н. и др., 1997]) сделал вывод о том, что разлука с матерью ведет к необратимым последствиям для психики ребенка. Это утверждение, а также созвучность его с трактовкой функционалистами патриархальных культурных стереотипов (Т. Парсонс, напр., см.: [Девис К., 1965]) обусловило то, что отношения мать – ребенок

стали рассматриваться как определяющие, другие же взаимодействия в семье, например отец – ребенок – как второстепенные. Впоследствии это положение (приоритетность материнства) подвергалось критике со стороны феминисток, рассуждавших о рабстве «кормящей» женщины. Но ведь всего лишь последние 100 – 150 лет женщина перестала заниматься одним уходом за детьми. Прежде её жизненный цикл включал только беременность, роды, кормление. Исключалась возможность любой другой формы участия в общественной жизни. Что касается аспектов социализации, то недавние исследования свидетельствуют, что устойчивые отношения ребенка с несколькими взрослыми важнее для его развития, нежели отношения с одной лишь матерью (Rutter, 1972, см.: [Аберкромби Н. и др., 1997]).

Возникновение *института отцовства*, так же как и *института детства*, считаются явлениями более позднего времени. Их появление связывают с выделением четких ролевых предписаний мужчине, женщине и ребенку. Отцовство как социально-культурное явление возникло лишь на той стадии, когда появилась семья, основанная на моногамном браке.

Институт отцовства претерпевает большие изменения. Отцовство не является обязательным компонентом семьи, оно скорее выражает принадлежность к определенному типу культуры, а не биологическую функцию. Например, в обществе авункулат брат матери был бóльшим авторитетом, чем отец. Отцовство – культурное явление и исторически развивается, возможно, параллельно развитию форм собственности (по Ф. Энгельсу) Одни авторы считают, что роль отца снижается, другие – что укрепляется. *Новый тип отца*: психологически и эмоционально участвует в беременности, оказывает помощь при родах, включен в кормление, лечение, игру, воспитание. Партнерские отношения между ребенком и мужчиной зачастую вытесняют родственные.

Браки, заключаемые в наше время, значительно больше, чем раньше основаны на потребности мужчин иметь детей, т. к. эмоциональные и сексуальные отношения не требуют сегодня официального узаконивания. Установки и общественные нормы, регламентирующие сексуальное поведение, стали значительно либеральнее.

Институт детства также трансформируется в процессе демографических переходов. Ориентация на детей не является чем-то новым в истории, но принципиально новым является осознание этой ориентации. Рождение ребенка становится результатом свободного выбора супругов, а не фатальным последствием сексуальной связи. Появляется возможность иметь детей по желанию, удовлетворяя свою эмоциональную потребность в любви и заботе о ком-либо. Детоцентристская семья – наиболее распространенный тип современной семьи.

Детство – культурно-историческая категория. Исследователи детства М. Мид (1988), И. Кон (1988) пришли к выводу, что его период и содержание определяется типом коммуникационных и информационных структур. В свою очередь, тип системы воспитания детей обуславливает перспективу развития/стагнации общества.

Рождение ребенка – это не чисто биологический феномен, а социально-опосредованный поступок, основанный на установках и ценностях каждой конкретной семьи в современном обществе. Культурологический анализ обнаруживает существование двух тенденций отношения к детям в современных обществах:

- 1) Большая либерализация и расширение границ допустимости,
- 2) Все большая подконтрольность и специализация отдельных сторон жизни ребенка.

Детство как исторически обусловленный феномен имеет разные формы проявления в зависимости от конкретных условий: городские и сельские дети «проходят» через разные системы воспитания и, соответственно, «проживают» разные формы детства. Социальная принадлежность семьи, где растет ребенок, также предопределяет содержание и временные границы детства.

Итак, брак и семья как социальные институты различаются и в разные времена и в разных обществах, живущих одновременно. Но, будучи институтами воспроизводства и поддержки потомства, в разных обществах брак и семья принимают различные формы. Объективным же базисом, «разрешающим» изменение форм, способов, практик семейной жизни, является состояние демографической сферы общества. Ослабление многих традиционных норм, дуализма морали, этикета, брачных и семейных ритуалов, изменение обычаев и законов происходит в результате ослабления «демографического давления» [Вишневский А. Г., 1982]. Это происходит сейчас и происходило веками, на протяжении всей истории человечества, порождая и множество социальных проблем, и разное отношение к этим проблемам и процессам как обывателей, так и исследователей семьи и брака. В следующих главах исследуются процессы, происходящие в сфере семьи, материнства, отцовства, отраженные статистическими и социологическими данными.

ЛИТЕРАТУРА

Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь / Пер. с англ. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1997.

Акимов А. На пороге седьмого миллиарда // Население и общество: Информационный бюллетень, 1999. № 39.

Акопян А. Некоторые данные о состоянии института брака в современной России // Вопр. статистики. М. 1997. № 12.

Антонов А. И. Социология рождаемости: Теоретические и методологические проблемы. М.: Статистика, 1980.

Антонов А. И. Действительно ли небо упало на землю? Комментарии к дискуссии американских социологов об упадке семьи в США // Вестн. МГУ. Сер. Социология и политология, 1996. № 3.

Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996.

Антонов А. И. Микросоциология семьи. М., 1998.

Васильева Э. К. Семья и её функции (демографо-статистический анализ). М.: Финансы и статистика, 1975.

Вишневский А. Г. Современная семья и идеология // Свободная мысль. М., 1993. № 11.

Вишневский А. Г. Демографические отношения и общество // Вопр. философии. М., 1981. № 4.

Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. Прошлое, настоящее, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982.

Волков А. Г. Семья как объект демографии. М.: Наука, 1986.

Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. Спб., 1998.

Голод С. И. Будущая семья: какова она? (Социально-нравственный аспект). М., 1990.

Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984.

Голосенко И. А. Социология Питирима Сорокина // История буржуазной социологии первой половины XX века. М., 1987.

Гуд У. Социология семьи // Социология сегодня: Проблемы и перспективы / Под ред. Г. В. Осипова. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1965.

Гурко Т. А. Трансформация института современной семьи // Социологические исследования, 1995. № 10.

Девис К. Социология демографического поведения // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М.: Прогресс, 1965. С. 343 – 371.

Кон И. С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, 1988.

Мацковский М. С. Поведение демографическое. Народонаселение: Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 323.

Мид М. Культура и мир детства. М.: Мир, 1988.

Павлик З. Проблемы демографической революции // Брачность, рождаемость, семья за три века. М.: Статистика, 1979.

Попеное Д. Упадок американской семьи (1969 – 1990): обзор и оценка // Вестн. МГУ. Сер. Социология и политология, 1996. № 3.

Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 г. М., 1999.

Саградов А. Россия и индекс человеческого развития // Население и общество: Информационный бюллетень, 2000. № 43.

Семья на пороге третьего тысячелетия / Под ред. А. Антонова, Дж. У. Мэддок и др. М.: ИС РАН; Центр общечеловеческих ценностей, 1995.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1978.

Янкова З. А. Городская семья. М.: Наука, 1979.

Becker G. S. A Treatise on the Family. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1981.

Lesthaege R. The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation. Brussels IPD Working Paper, 1992.

Kirkpatrick G. The Family as Process and Institution. N. Y., 1963.

Mead M. Marriage in two steps // The Family in Search of a Future // Ed. Otto N. L., N. Y., 1970. P. 75 – 84.

Van de Kaa, D. J. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin, 1988. Vol. 42. № 1.

Глава 2

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СОЖИТЕЛЬСТВ И ВНЕБРАЧНЫХ РОЖДЕНИЙ

§ 1. Статистические факты и их анализ

На исходе XX в. в большинстве европейских стран, а также в России происходят огромные изменения в самых интимных сферах человеческой жизни – семейных отношениях и продолжении рода. На протяжении тысячелетий общепринятыми считались нормы семейного поведения крестьянской семьи. Сейчас такого типа семьи практически нет ни в России, ни в европейских странах. Изменения затронули все этапы формирования семьи, все стороны ее жизни. В терминах демографической ситуации эти изменения состоят в следующем: новый круг снижения рождаемости, сокращение числа зарегистрированных браков и рост числа свободных союзов и других форм совместной жизни, увеличение числа внебрачных рождений и разводов. Причем хронологически изменения происходят следующим образом: сначала снижение рождаемости, затем рост числа разводов, затем распространение сожительства и наконец повышение рождаемости вне официального брака [Вишневский А. Г., 1993].

Таблица 3

**Число вступивших в первый брак к 50 годам
на 1000 никогда не состоявших в браке**

Страна	Мужчины			Женщины		
	1965	1975	1985	1965	1975	1985
Финляндия	959	638	610	930	702	668
Норвегия	921	755	546	872	794	571
Швеция	986	566	479	872	794	571
Австрия	923	731	637	994	751	613
Франция	1013	822	530	933	858	542
Италия	998	894	731	1024	931	733
Чехословакия	965	927	870	901	976	934
Венгрия	936	944	796	978	930	710

Сост. по: Van de Каа, D. J. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin, 1988. Vol. 42. № 1. P. 14.

По этим данным видно, что в указанных (выборочно по сравнению с источником данных) странах происходит заметное снижение показателей состояния в браке (по данным переписей населения в этих странах).

В России идут схожие процессы, но охарактеризовать их можно показателями ежегодного статистического учета.

Таблица 4

**Динамика числа зарегистрированных браков.
Россия, 1980 – 1998, тыс.**

Год	Всего	Первый брак	Повторный брак
1980	1464,6	1195,2	269,4
1985	1389,4	1053,8	335,6
1990	1319,9	989,9	330,0
1995	1075,2	778,1	297,1
1998	848,7	615,8	232,9
1999/1980, %	57,9	51,2	86,5

Сост. по: Население России 1999. С. 47.

Наряду с уменьшением числа вступающих в брак женщин и мужчин повышается и средний возраст вступления в первый брак. В 1960 г. женщины впервые выходили замуж в среднем в 22 – 23 года, в 1990 г. – в 25 лет.

Все это относится к официально зарегистрированным бракам, но отказ от них или откладывание их сроков сопровождается ростом числа «свободных союзов» – сожительств.

Таблица 5

**Динамика доли женщин в возрасте 20 – 24 лет,
живущих в неофициальных браках**

Страна	Год	%	Год	%
Великобритания	1976	2	1985	10
ФРГ	1972	1	1982	14
Франция	1975	4	1985	19
Швеция	1975	29	1981	44
Дания	1975	30	1981	45

Сост. по: Van de Kaa, D. J. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin, 1988. Vol. 42. № 1. P. 15.

Сокращение доли состоящих в браке, рост значений показателей разводимости в средних и старших возрастах наряду с постепенным отказом от заключения повторных браков – показатели изменений, происходящих в брачно-семейных отношениях.

Феномен распространения официально незарегистрированных супружеских союзов и внебрачной рождаемости наряду с ростом разводимости, падением рождаемости относится к тем изменениям в демографической сфере, на основе которых уже с начала XX в. делаются выводы, например П. Сорокиным, о наступающем кризисе, дезинтеграции семьи и брака (см.: [Голод С. И., 1998]), а затем и общества [Рореное, 1993; Smelser, 1980]. Однако названные процессы раньше или позже происходят во многих развитых странах мира. В последние десятилетия такая форма семейной организации, как сожительство (*cohabitation, consensual union, marriage de facto*) становится во многих европейских странах статистически значимой альтернативой официальной семье (зарегистрированному браку). По данным Христора Принца доля сожительства среди всех брачных союзов к середине 80-х была в Швеции – 19,9 %, Финляндии – 11,4, Норвегии – 10,8, Франции – 8,8, Нидерландах – 7,7, Великобритании – 6,2, Германии – 4,7, Австрии – 2,9 %; в настоящий время происходит рост этой доли при еще большем снижении доли официально зарегистрированных семей [Prinz, 1994]. В США в 1993 г. соответствующий показатель равнялся 6 % по сравнению с 1 % в 1970 г. [Barich and Bielby, 1996]. В России по данным микропереписи 1994 г., впервые зафиксировавшей процент свободных союзов, доля сожительства для городского населения составляла 6 %, для сельского – 9 % [Борисов, Синельников, 1995]. По Западной Сибири эти показатели были соответственно 8 и 12 %. Доля внебрачных среди всех рождений равнялась здесь 21% в 1995 г. Как видно, степень распространенности данных явлений в России сопоставима с западноевропейской и определенно превосходит североамериканскую.

Большинство авторов, исследующих феномен свободных супружеских союзов, склоняются к мнению, что изменения в формах семьи происходят вследствие действия совокупности факторов: изменения социальных норм, экономической независимости женщин, роли контрацептивов и др.

Таким образом, сожительство чаще является не просто игнорированием официального брака, но следствием перехода от традиционных, патриархальных межгендерных отношений к современным, основанным на равенстве прав, партнерстве, конвергенции внутрисемейных гендерных ролей, да и вообще социальных ролей мужчин и женщин.

В целом же, как отмечается в исследованиях, в Северной и в меньшей степени Западной Европе добрачное сожительство охватывает большинство населения. По данным Л. Русселя сейчас оно приобретает всеобщий характер в Швеции, охватывает 70 % пар во Франции. В этих странах супружеские союзы, как официальные, так и неофициальные, создаются так же рано, как и в прошлом и их окончательная частота остается более или

менее постоянной. В Южной же Европе и в Северной Америке распространение сожительств пока не компенсирует снижения брачности.

В России микроперепись 1994 г. впервые позволила оценить (возможно, недостаточно точно) долю женщин, живущих в незарегистрированном браке.

Таблица 6

**Доля женщин, состоящих в незарегистрированном браке,
среди всех женщин данной возрастной группы,
живущих в супружеских союзах, середина 1980-х гг.**

Возраст, лет	Швеция	Норвегия	Великобритания	Германия	Россия, 1994 г.*		Венгрия
					сел.	гор.	
15 – 19	92,7	75,0	50,4	30,0	17,5	13,6	8,2
20 – 24	77,1	47,0	29,0	30,0	6,7	6,7	3,3
25 – 29	48,1	23,0	12,8	6,2	6,1	5,8	2,4
30 – 34	29,6	12,0	6,8	6,2	6,9	5,4	2,7
35 – 39	19,2	7,0	4,3	2,0	8,2	5,4	2,9
40 – 44	13,0	7,0	3,7	2,0	9,5	5,4	2,9
45 – 49	10,2	3,0	2,8	2,0	10,9	5,7	3,1
50 – 54	8,7	3,0	1,5	2,0	10,1	5,9	2,7
55 – 59	5,9	3,0	0,9	1,9	9,9	5,8	2,7
60 – 64	4,7	3,0	1,2	1,9	9,3	5,3	3,0
Все возрастные группы	19,9	10,8	6,2	4,7	8,8	5,9	2,9

Сост. по: Prinz Ch. Patterns of Marriage and Cohabitation in Europe, with Emphasis on Sweden // PopNet. 1994. Spring. № 24. P. 2.

* Сост. по: [Борисов В., Синельников А. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М.: Изд-во НИИ семьи, 1995. С. 42.]

Со всей очевидностью эти данные говорят о том, что в демографической сфере России происходят процессы, аналогичные тем, что и во многих экономически развитых странах. Кроме того, о сходных процессах свидетельствует динамика показателей заключаемых браков, разводов, рождаемости. По высокой доле женщин всех возрастов, не состоящих в официальном браке, видно, что феномен соительства в России – проблема, во-первых, не только молодежная, как, например, в Норвегии, Великобритании, Германии; во-вторых, это проблема, возникшая не в последнее время, возможно, и не в связи с социально-экономическим кризисом.

Кроме того, то, что данные по России по предыдущим переписям населения всегда фиксировали большее число женщин по сравнению с мужчинами, считающих себя состоящими в браке, говорит также о большой распространенности незарегистрированных супружеских союзов.

**Брачное состояние населения в возрасте 30 – 34 года
в Дании, Ирландии и Франции, 1993, %**

Страна	Состоят в зарегистриро- ванном браке	Состоят в незарегистриро- ванном браке	Не состоят в браке
Ирландия	79,2	1,7	19,1
Франция	69,7	11,5	18,9
Дания	54,1	20,9	24,9

Сост. по: Иванова Е., Михеева А. Внебрачное материнство в России // Население и общество. Информ. бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народохозяйственного прогнозирования / Под ред. А. Вишневого. Москва – Париж, 1998. № 28.

Рост числа свободных союзов сопровождается и ростом числа рожденных в них детей.

Доля внебрачных рождений среди всех родившихся составляла (%):

Эстония		Швеция		Франция		США		Россия		Сибирь	
1965	1988	1963	1995	1963	1995	1960	1992	1970	1994	1970	1994
14	23	18	50	13	35	5	21	12	19	17	21

В большинстве случаев родители внебрачных детей в конечном счете вступают в брак, но в то же время растет и число детей, рожденных в союзах, которые распадаются, не дожив до брака.

Значительная их часть не приводит к рождению ребенка, а заканчивается абортom – число абортов в России, как известно, исключительно велико. К абортom прибегают и женщины, официально состоящие в браке, но нет сомнения, что вклад в общее число абортов женщин, живущих в фактическом, но незарегистрируемом браке, также очень велик.

Другая часть внебрачных зачатий превращается в «добрачные», ибо значительная часть тех, кто живет в свободном союзе, после возникновения беременности оформляют его как «законный» брак. Согласно исследованиям, проведенным в различных районах России в 70 – 80-е гг., уже тогда доля рождений в результате добрачных зачатий составляла 30 – 40 % от общего числа первых рождений в зарегистрированном браке (наличие добрачных зачатий устанавливается, если интервал между заключением брака и рождением ребенка не превышает 8 месяцев). Такие браки можно считать стимулированными предстоящим рождением ребенка.

Результаты проведенного Е. Ивановой анализа актов гражданского состояния о рождениях за 1995 г. в Москве говорят о том, что эта пропорция сохраняется и в 90-е гг. (В исследовании была использована сплошная раз-работка актов гражданского состояния о браках и рождениях за 1994 и 1995 гг. по г. Москве.) [Иванова Е., Михеева А., 1998].

Доля рождений, стимулировавших брак, в общем числе первых рождений составляет 34 %. Наиболее высокая доля таких браков – до 50 % отмечается в самых молодых возрастах (15 – 19 лет) – здесь она более чем в пять раз выше, чем у женщин, вступивших в брак в возрасте 27 лет и старше.

Сейчас в Швеции и Исландии уже больше половины детей рождается вне официального брака; в Дании, Норвегии, Великобритании, Франции – от четверти до половины. Растет число внебрачных рождений и в других странах.

В Великобритании в начале 90-х гг. приблизительно каждый третий ребенок рождался вне брака, а 9 из 10 девушек становились беременными, будучи не замужем, при этом тех из них, кто до рождения ребенка успева-ет выйти замуж, становится всё меньше: в 1992 г. это произошло лишь с одной из каждых 10 женщин.

Английские мамы стремительно взрослеют – в 1992 г. чаще всего ро-жали 28-летние. Этот возраст стал наиболее высоким за более чем 30 последних лет. Средний возраст женщин, родивших первого ребенка, составил 26 лет. Число детей, рожденных в браке, сокращается – на 3 % в 1992 г.

Таблица 8

**Динамика доли внебрачных рождений в общем числе рождений
в некоторых западных странах, 1970 – 1995 гг., %**

Страна	1970	1980	1990	1995
Испания	1,4	3,9	9,6	10,8
Германия	7,2	11,9	15,3	16,1
Португалия	7,3	9,2	14,7	18,7
США	10,7	18,4	28,0	31,0*
Великобритания	8,0	11,5	27,9	33,6
Франция	6,9	11,4	30,1	37,2
Дания	11,0	33,2	46,4	46,5
Швеция	18,6	39,7	47,0	53,0

* 1993 г.

Сост. по: Иванова Е., Михеева А. Внебрачное материнство в России... 1998

Россия пока не относится к числу стран с самой высокой долей внебрачных рождений, но уже обогнала в этом отношении многие европейские страны, доля внебрачных рождений у россиян и в городе и в селе быстро растет (табл. 9). Сейчас она приближается к уровню послевоенного 1945 г., когда высокая доля таких рождений имела демографическое объяснение: ее причины коренились в огромной нехватке мужчин молодых и средних возрастов.

Таблица 9

**Динамика доли родившихся у женщин вне брака
среди всех родившихся, Россия, 1945 – 1999 гг., %**

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1945	24,4	...	...
1955	16,9	...	...
1965	13,0	11,7	14,5
1975	10,7	9,3	13,7
1985	12,0	11,3	13,6
1990	14,6	11,8	16,5
1991	16,0	15,5	17,3
1992	17,2	16,7	18,1
1993	18,2	18,1	18,4
1994	19,6	19,5	19,8
1995	21,1	21,0	21,3
1998	27,0	...	...
1999	27,9	...	...

Сост. по: Иванова Е., Михеева А. Внебрачное материнство в России... 1998

Исследования рождаемости сельского населения Западной Сибири также показывают, что сожителства, приводящие к рождению внебрачных детей, были довольно распространенным явлением здесь и 10, и 20, и 30 лет назад (табл. 10).

Таблица 10

**Распределение матерей по возрасту рождения внебрачных первенцев,
Западная Сибирь, сельское население, %**

Возраст матери, лет	1969/70	1978/79	1988/89	1993/94
15 – 19	46,5	47,5	45,6	38,2
20 – 24	36,3	38,8	35,9	37,1
25 – 29	6,1	10,1	12,1	14,4
30 – 34	6,5	2,6	4,5	6,3
35 – 39	2,8	0,8	1,6	3,3
40 – 49	1,8	0,4	0,3	0,7
Средний (Me) возраст матери, лет	20,5	20,3	20,4	20,7

Сост. по: Михеева А. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние. Новосибирск: ИЭиОПП СОРАН, 1994. С. 141.

Доля самых молодых женщин – матерей внебрачных детей постепенно снижается, но все же эта группа по-прежнему остается модальной для внебрачных рождений. Растет и процент первенцев и вторых по очередности детей. Так что средняя детность матерей, не состоящих в браке, заметно снижается (табл. 11), как и показатели рождаемости вообще.

Таблица 11

**Структура внебрачных рождений по их очередности у матерей,
Западная Сибирь, сельское население**

Годы	Доля детей в общем числе рождений, %				Средняя очередность рождений
	первых	вторых	третьих	четвертых и последующих	
1969/70	35,8	16,1	16,3	31,8	2,92
1978/79	53,0	16,3	13,7	16,9	2,03
1988/89	42,4	23,9	17,2	16,6	2,33
1993/94	64,2	19,7	9,0	8,0	1,66

Сост. по: Михеева А. Сельская семья в Сибири... 1994. С. 82

На основании приведенных данных о большой частоте внебрачных рождений вполне уместна гипотеза и о высокой доле собственно внебрачных – неполных, материнских, монородительских семей в сельской местности, в которых живут и воспитываются дети, рожденные вне зарегистрированного брака. Однако данные переписей о динамике числа и состава семей с детьми говорят как раз об обратном. Полные нуклеарные семьи, состоящие из супружеской пары с детьми до 18 лет, абсолютно преобладают среди всех семей с детьми, причем за 10 межпереписных лет их доля выросла на 10 процентных пунктов и равнялась 78 % в 1989 г. В то же время доля неполных семей проявляет явную тенденцию к снижению и составляла 8 % от всех семей с несовершеннолетними детьми. Данные микропереписи 1994 г. не обнаружили изменения этой тенденции. Несмотря на весьма высокие показатели внебрачной рождаемости в сельской местности Западной Сибири на всем протяжении рассматриваемого периода (1969 – 1994 гг.) здесь, стало быть, не происходит распространения внебрачной (монородительской) семьи как социального феномена. В основе определенной части полных семей с детьми лежит повторный брак (официально зарегистрированный или нет) матери или отца, или узаконенное внебрачное рождение.

В большинстве западноевропейских стран доля неполных (монородительских) семей заметно ниже, чем в России: 6 % – в Нидерландах, 5 – в Швейцарии и Франции, 4 – в Швеции и Германии, 3 % – в Великобритании. Причем фиксируется тенденция повышения доли «отцовских» моно-

родительских семей. И, как показывают данные по Швеции и Дании, ситуация неполной семьи имеет часто временный характер, большинство детей (например, 85% в Германии в 1990 г.) до 18-летнего возраста растут в полной семье.

Поскольку распространение свободных супружеских союзов и внебрачных рождений происходит практически во всех индустриальных странах, а не только в России, то, видимо, это указывает не на конъюнктурные, кризисные причины, а на более глубокие, но пока не очень хорошо понятые изменения в организации самой семейной жизни людей. Не до конца ясны и последствия этих изменений, хотя многие проблемы, касающиеся самых разных сторон жизни – и уровня рождаемости, и воспитания детей, и положения одиноких матерей, – более или менее очевидны. Все это заставляет внимательно изучать новый социальный феномен.

§ 2. Демографические тенденции и внебрачное материнство: анализ женских историй

Способно ли современное распространение таких явлений, как неофициальный (незарегистрированный) союз, внебрачное рождение подорвать многовековую стабильность социального института семьи? Ответ на этот вопрос определяется основными направлениями эволюции социальных институтов брака, семьи, моногамии на рубеже XX – XXI вв. Эволюция институтов брака и семьи зависит как от долговременных тенденций и закономерностей развития демографической сферы общества, так и от конкретных исторических обстоятельств проявления данных тенденций.

В европейских странах ослабление, расшатывание патриархальных устоев, усиление индивидуалистических ценностей не обязательно ведет к упадку институтов брака и семьи [Halman and Ester, 1996]. По-видимому, в России социально-демографические процессы, ведущие к таким изменениям, по своему существу аналогичны. На этот счет у нас пока нет крупномасштабных исследований.

Поскольку в процессе трансформации распространяются разные модели семейного поведения, то представляется актуальным исследовать причины их распространения, социальное самочувствие людей – представителей типов семей, которые можно было бы отнести к «нетрадиционным». Одним из таких типов являются семьи (полные или неполные), образованные в результате рождения ребенка женщиной, не состоящей в браке. В данном параграфе содержатся результаты исследования феномена внебрачного материнства, проведенного автором в 1997 г.

Конкретная задача этого исследования – попытаться понять природу, причины и следствия распространения сожителств и внебрачных рожде-

ний, а именно: выяснить ориентации, намерения и интересы в сфере брака и семьи женщин – матерей внебрачных детей, реализацию их жизненных устремлений и планов в семейной сфере. Исследование проведено методом «life-story» [Thompson, 1984], т. е. посредством изучения конкретных случаев, жизненных историй женщин – матерей внебрачных детей. Выбор этой методики объясняется, прежде всего, интимностью, закрытостью темы для внешнего наблюдателя, а также «осторожностью» общественного мнения в этом вопросе. Поэтому методы традиционного формализованного подхода могли бы привести к большой потере значимой информации. Было опрошено 30 городских женщин, имеющих 35 внебрачных детей, и 20 сельских, имеющих 29 внебрачных детей*.

Дети, рожденные вне зарегистрированного брака, – чаще всего первые и единственные дети уже немолодых женщин. Однако то, что не фиксируется статистикой, но существует как факт, – наличие полной супружеской семьи у 58 % опрошенных женщин, из них у 30 % неофициальный муж является отцом ребенка. Уровень образования опрошенных женщин довольно высок: 56 % имеют высшее и среднее специальное образование и только 20 % – восьмилетнее.

Глубинные интервью дают основание утверждать, что главный мотив рождения ребенка этими женщинами – стремление к материнству, к семейной жизни. При этом невступление в брак, рождение ребенка без мужа вовсе не являются для них «демонстрацией независимости».

При анализе материнских историй стало понятно, что возможно выделение 3 типов причин появления внебрачного материнства. Первая, и самая большая, группа опрошенных женщин – это те, кто был вполне счастлив в партнерстве-сожительстве с отцом будущего ребенка. Кто хотел бы (и собирался) иметь полную семью, но по разным причинам союз распался после рождения ребенка. Вторая группа – женщины, оставшиеся без женихов, партнеров из-за несчастных случаев (гибели жениха, отца будущего ребенка); даже в небольшой выборке (50 чел.) таких женщин оказалось шестеро. Еще одна группа женщин – те, кто после рождения ребенка, и второго, и третьего, и четвертого, продолжает оставаться в незарегистрированном союзе с отцом детей.

Жизненные, брачные, материнские выборы зачастую обусловлены (усложняются или облегчаются) поведением и отношением мужчин (мужей-партнеров), родителей, родных, подруг и врачей к женщинам, их поступкам, решению родить ребенка вне брака. Во-первых, все типы женских

*Список матерей внебрачных детей был составлен по данным отделов пособий и пенсий районных (городских и сельских) администраций. Выборка проводилась из числа женщин, получающих пособие на внебрачного ребенка (детей).

историй рождений вне брака переплетаются и в большой степени обусловлены обстоятельствами жизни мужчин-отцов, их социальными характеристиками. Во-вторых, брачная судьба женщин складывается в определенном смысле под противоречивым влиянием родительской семьи; двойственность ситуации состоит в социокультурной автономности (возможно, даже антагонистичности) и одновременной материально-бытовой зависимости. Так что пересечения историй-причин с культурными и индивидуальными ценностями влияют на выбор женщин и показывают на данном материале, что выбор в пользу рождения ребенка (в 80% случаев первого и единственного) становится всё более социально одобряемым поступком.

В процессе анализа предпринята попытка соединить некоторые эмпирические характеристики с гипотезами причин современных тенденций в демографической сфере и семье.

Конечно, иногда в интервью бывало довольно сложно объективно воспринимать ситуации и обстоятельства, поведенные женщинами, но в то же время именно акценты самих интервьюируемых позволяют делать выводы и объяснения.

*Внебрачные рождения вследствие распавшегося сожителства
(Дискурс «Распавшееся сожителство»)*

Из опрошенных женщин в эту группу можно отнести 19 (38%), в т. ч. 12 (40%) городских и 7 (35%) сельских. В терминах реализации жизненных, брачных, репродуктивных планов женщин этот дискурс можно считать негативным, поскольку наиболее сильный момент здесь – отказ мужчины-партнера от ожидаемого или от уже родившегося ЕГО ребенка. Женщины эта ситуация воспринимается как отказ и от неё тоже, как «предательство». Причем в половине случаев сожителство было довольно продолжительным – 2 – 5 лет, возраст женщин 26 – 34 года, беременность у них если и не первая, то долгожданная. Причем в своих рассказах некоторые из этих женщин вспоминают озабоченность своих мужчин-партнёров длительным отсутствием беременности и даже то, что они вместе мечтали о ребенке, планировали свою совместную жизнь.

Врач, 46 лет, не замужем, 16-летний сын, гор.: «Познакомились еще студентами, встречались и дружили 7 лет. В последние годы мы с ним жили вместе. Когда он узнал о беременности, первое время пытался избегать меня, потом установились дружеские отношения. Иногда он приходил и говорил, что хоть ему и очень тяжело, но он не может жениться на мне, потому что не любит меня. В общем, он переживал, метался. Мне было 29 лет, ему 30, он работал инженером на заводе. Эта беременность была у меня третья, мы же с ним встречались 7 лет... Я его очень любила и знала, что рожу ребенка только от него. Других мужчин у меня не было. Но для него и для его семьи (мамы) общественное мнение значило очень много. Если бы я была понастойчивее, он бы на

мне и женился. Но, наверное, наш брак распался бы... Когда моему сыну было 6 месяцев, он женился на молодой девушке, так что у него своя семья. Мы с ним больше никогда не общались, я ни на что не претендовала, он помощи никакой не оказывал».

По-видимому, весьма часто мужчины отрицательно реагируют на известие о беременности сожительницы из-за сомнения в том, что это ЕГО ребенок. Чаще так происходит в тех случаях, когда мужчины-партнеры женщин по сожительству на некоторое время уезжают – на службу в армию, в командировки.

Рабочая совхоза, 30 лет, не замужем, 10-летняя дочь, сел.: «С парнем, отцом дочки, мы дружили еще со школы, он наш, деревенский. И когда я в училище училась, мы дружили, встречались. А теперь у него своя семья – так получилось! Дружили-дружили, а когда он ушел в армию, я родила. Он не верил, что это его дочь. Когда вернулся, мы поскандалили и долго не встречались. Потом стало видно, что дочь – вылитый папа. Он стал ходить ко мне, а я ему сказала, что дочка МОЯ и больше ничья. Да зачем он мне, зачем эти скандалы? А так – ребенок растет спокойной, знает отца, дружит с теми бабушкой и бабушкой».

Недоверие мужчины-партнера и даже просто выражение сомнения на этот счет, с одной стороны, оказывает сильное отрицательное воздействие на дальнейшую судьбу женщины, но, с другой – облегчает ей принятие «оправдательного» для самой себя отказа от стремления к браку с «этим плохим любимым человеком».

Учительница, 48 лет, не замужем, 14-летняя дочь, сел.: «До рождения дочери мы 3 года жили вместе, в нашей семье. Он очень хотел ребенка, но мы с ним не регистрировали брак, просто ни я, ни он не беспокоились за наше будущее. До этого я уже была замужем, но детей не было – 6 раз я была беременной, но не могла выносить ребенка. Этот парень был на 5 лет младше меня. Он был для меня одновременно и любовник, и муж, и ребенок. Когда я ему сказала о беременности, он почему-то панически испугался, бегал по комнате и кричал, что это не его ребенок. И всё. Сейчас мы просто здороваемся, когда на улице встречаемся. Он очень красивый, и дочь на него похожа, у них даже все родинки на теле одинаковые, совпадают. Тогда мне было 34 года, я все-таки смогла выносить свою седьмую беременность. Это невероятное счастье – знать, что ты не способна иметь ребенка и все же родить! У меня просто желание такое мощное было. Теперь моей дочери 14 лет. Но я благодарна этому парню, за то, что у меня есть дочь, не было бы его, не было бы и дочки, и я была бы неполноценной».

Как видно, распад сожительств в связи с рождением ребенка в значительной мере обусловлен брачно-семейным поведением мужчин. По-

видимому, их отрицательное восприятие известия о возможном рождении ребенка оказывается совершенно неожиданным для женщин.

Выбор же женщин в пользу материнства создает новую цепочку драматических ситуаций в сфере отношений с родными, с родителями. Но этот выбор происходит все-таки в пользу материнства, и он свидетельствует о высокой ценности детей, семьи в представлениях опрошенных женщин.

Домохозяйка, 21 год, не замужем, 2-летний сын, сел.: «Мы дружили с парнем еще со школы, год он жил у нас, а когда узнал, что я беременная, сразу сказал, что не от него. Он старше меня на 4 года, мы с ним очень близкими были, просто родственные души какие-то, даже думали одинаково. Сколько раз он говорил: "Роди мне сына". Родила, а он вообще ушел. Сначала я скрывала свою беременность, боялась, что родители на аборт пошлют... Я родила сына. Сейчас ко мне приходит другой парень, ухаживает за мной, с моим сыном нянчится. Он хочет жениться на мне, но я не хочу, не хочу даже сходитьсь с ним, лучше иногда встречаться... Если встретится такой мужчина, который мог бы быть хорошим отцом, то я рожу еще одного ребенка, но не больше. А сейчас лучше, чтобы сын ни к кому не привыкал».

Семья и дети, по представлению женщин-матерей этой группы, – главное в жизни женщины. «Если нет детей, жизнь женщины прошла впустую» (Бухгалтер, 42 года, не замужем, 9-летний сын). И, соглашаясь с этой житейской истиной (вполне традиционной), родительские строгости смягчаются по мере повышения возраста дочерей. Особенно это проявляется в историях женщин, имеющих деревенские корни. Представления старших поколений сельчан основаны на нормах раннего вступления в брак и рождения детей.

Директор фирмы, 29 лет, не замужем, 5-летняя дочь, гор. «По понятиям нашей семьи, я родила очень поздно (в 24 года). Когда мне было 22 г., мои родители "махнули на меня рукой" – считали, что я осталась без семьи и без детей, что я не состоялась как женщина и вообще как человек... Мои родители ждали от меня замужества, ребенка. И даже независимо от того, замужем я или нет, моя мама была на моей стороне, я знала, что помощь мне всегда будет. И вообще, как бы я ни решила, мои родители, мои вечные адвокаты, меня поддержат».

Кризисный момент трудного выбора молодых (юных) городских внебрачных мам смягчается либеральностью взглядов их ещё тоже молодых родителей, берущих на себя значительную часть материально-бытовых проблем своей дочери.

Домохозяйка, 17 лет, не замужем, 7-месячный сын, гор. «Когда родители узнали о беременности, мама сказала: «Решай сама, не маленькая. Если оставишь ребенка, мы тебе поможем и поддержим».

Таким образом, драматичность дискурса «распавшихся сожителств» связана, скорее всего, с не оправдавшимися надеждами женщин на устойчивое длительное партнерство, на воспитание ребенка в полной семье, с разочарованием в любимом мужчине-партнере как потенциальном муже и отце детей.

Внебрачные рождения, не ориентированные на совместную жизнь с отцом ребенка

(Дискурс «Ребенок для себя»)

Важным отличием данного дискурса от предыдущего является то, что эти женщины изначально знали и сознательно шли на то, что, став матерью, они никогда не будут жить одной семьей с отцом ребенка. Объясняется это тем, что в этих историях мужчина выполняет роль любовника, как правило, он уже женат, имеет детей. А женщина-мать внебрачного ребенка была (или есть) любовница, априори морально готовая к последующему за рождением ребенка супружескому одиночеству. Часто это мотивируется сознательным отказом от возможности «увести» его из семьи. В других ситуациях женщина изначально не относилась к партнеру, как к потенциальному мужу. Здесь не было совместной жизни, встречи носили характер любовных свиданий. В эту группу входят 12 (24%) из опрошенных женщин, в том числе 7 (23%) из городских и 5 (25%) из сельских. Возраст женщин при рождении ребенка в этой группе около 30 лет, хотя среди сельских женщин есть такие, которые считают, что и в 23 года пора родить ребенка «для себя», чтобы не остаться одной.

Домохозяйка, 30 лет, замужем, двое сыновей: 6-летний (внебрачный) и 2-летний), сел.: «В 23 года я захотела родить ребенка. Я даже замуж так не хотела, как ребеночка иметь. И в 24 года я родила его для себя. Я встречалась с мужчиной, он был женатый, мне он вообще-то нравился. Но встречались мы редко. И я неожиданно почувствовала, что беременная. Я посидела-подумала: мне 23 года, если первый аборт сделаю, потом вообще детей не будет. Замуж выйду, муж захочет ребенка, а я скажу: «Не могу»? Решила родить чисто для себя, зная, что он не женится на мне... Конечно, сначала я переживала – родители ругались, но я сама так хотела маленького! И я считала, что их это не должно сильно касаться, тем более – огорчать. Папа мой стал поддерживать меня, потому, что понял, что я «настроилась на сына». Я знала, что будет мальчик, вот мальчик мой и родился! Я хорошо себя чувствовала, была спокойна и за себя и за малыша... Отец его о нем знает, сначала он приходил, потом сказал, что это не его ребенок, а «его дети у него дома». Потом он сошелся с другой женщиной и они уехали из нашей деревни. Когда моему мальчишке было 3 года, я вышла замуж, родила второго сына. В муже своем я уверена».

По этому рассказу ясно, что если даже женщина и рождает ребенка «для себя», подспудно у неё сохраняются ожидания создать полноценную се-

мью, проявить себя не только как мать, но и как жена. Но с повышением возраста одинокие женщины постепенно теряют надежду на удачную супружескую, семейную жизнь и так или иначе смиряются с этим. И действительно, не у всех судьба складывается счастливо. В этот дискурс вписываются и истории женщин, пережившие драматические или даже трагические ситуации первой любви, после чего на определенное время, а некоторые и на всю жизнь, «отключаются» от личной жизни.

Научный сотрудник, 58 лет, не замужем, 16-летний приемный сын: «Когда я училась в институте, у меня погиб жених – летчик-испытатель, мне был 21 год. Закончила институт, работала, многие ухаживали за мной, предлагали "руку и сердце", но я считала, что у меня такая судьба – быть одинокой, всем отказывала, была верна своему погибшему жениху. Взясась за научную работу, "нянчилась" со студентами, ездила по стране, по всему миру, защитила диссертацию. Стала задумываться: "Для чего живу? Жизнь подходит к концу, всё есть – квартира, машина, дача, а зачем?" Надо бы было ребенка родить, но с мужчинами никогда не было интимных отношений. И отец мой был очень строгих правил, он бы не простил мне беременность без мужа. Да и рожать было уже поздно. Усыновила 1,5 годовалого мальчика из дома малютки. Очень надеялась, что мои отец и брат обеспечат "мужское" воспитание. Но дед умер через год, а брат отстранился от забот. Есть, конечно, проблемы с сыном... Жалею, что своего не родила...»

Жесткость родительского контроля, упомянутая в этом рассказе, вообще-то не характерна для дискурса «ребенка для себя». Это объясняется как «зрелым» возрастом женщин, когда многие становятся практически независимыми от пожилых родителей, так и обеспокоенностью последних одиночеством своих дочерей.

В историях женщин, родивших «ребенка для себя», уже нет той драматичности, той резко отрицательной оценки («предатель») своих партнеров, как в первом дискурсе. Здесь появляется спокойная рассудительность, рациональность «зрелых» женщин, сознательно стремящихся к материнству, а не к супружеству-партнерству (по крайней мере, внешне). Можно предположить, что и на самом деле женщины этой группы если и не меньше были влюблены в своих партнеров-любовников, то по крайней мере более рационально (хладнокровно) обнаруживали у них недостатки. Поэтому и более спокойно, как к запланированному акту, отнеслись к прекращению интимных отношений, будучи (внешне) благодарными уже за прошлые эмоции и возможность родить ребенка. Вместе с тем, за внешней рассудительностью и благодарностью порой и в этой группе историй проскальзывает выражение обиды и «брошенности».

Следует заметить, что среди тех женщин, кто родил ребенка «для себя», по сравнению с предыдущей группой большая доля тех, кто на мо-

мент опроса имел постоянного партнера – мужа или сожителя, и, стало быть, полную семью – официальную (42 %) или нет (26 %).

Конечно, разделение женских историй на эти дискурсы-причины имеет условный характер, поскольку наряду с внешними различиями (длительность сожительства, частота встреч, глубина разочарований, жесткость культурных ограничений) в них есть одно общее и очень важное событие – состоявшееся материнство. И одинаковое представление об идеальной семье – мать, отец и дети. Но к этому идеалу приблизились только некоторые женщины из первых двух групп.

Внебрачные рождения в стабильном сожительстве

(Дискурс «Полная семья»)

В этой модели назвать матерей и детей «внебрачными» можно только по формальному признаку – неусыновленным детям, получающим пособие. Именно по этому признаку 12 полных семей с детьми попали в выборку обследования. Городских семей из них 8 (67 %), сельских – 4 (33 %). Официально зарегистрирован брак у супругов в 3 городских семьях, причем в них муж матери не является отцом внебрачного ребенка. Остальные 9 семей – сожители, в 8 из них супруги-партнеры живут со своими (всеми или младшими в семье) детьми. В противоположность первому этот дискурс можно назвать дискурсом «Сохранившихся (устойчивых) сожительство». В самом деле, здесь и там женские истории схожи, но семья (супружеский союз) не распадается.

Домохозяйка, 25 лет, стаж сожительства 3 года, сыну 1 год, гор.: «В 19 лет я познакомилась с парнем, и мы стали с ним жить – родители выделили нам комнату в нашей квартире. Потом мы стали ссориться, и он ушел. После него был другой парень, мы с ним тоже прожили года полтора. А вот этот, отец ребенка, уже третий. Он мне сразу понравился своей самостоятельностью, он младше меня, и я как-то не могу про него сказать "муж". С ним мы живем уже три года. Родители относятся к моим партнерам спокойно. Когда я сказала парню о беременности, он очень обрадовался, а на следующий день раскричался и заявил, что уйдет. Испугался он, что ли. Это у меня вторая беременность, во время первой был сильный токсикоз и выкидыш. Если бы он вправду ушел, я не оставила бы беременность. Как бы я одна растила ребенка? Мама с папой уже пожилые... Уже через день он всё передумал, а тогда – я не знаю, что на него нашло... Сейчас он очень любит сына, и, наверное, он хороший отец, а я хочу второго ребенка. Мы будем вместе».

Отличительной чертой этой модели является большее число детей в семьях: в пяти – по 1, в двух – по 2, в остальных (сельских) – по 3 – 4 детей. Судя по историям, судьба их матерей вовсе не всегда гладкая: двое из них овдовели с младенцем на руках, одна с тремя детьми ушла от мужа-

деспота. Но им посчастливилось встретить на жизненном пути мужчин, взявших на себя ответственность за их семьи.

Домохозяйка, 36 лет, стаж сожительства 12 лет, 16-летняя дочь внебр., 3 сына, зарегистрированы по совместному заявлению родителей, сел.: «С мужем живем хорошо, я его слушаю, он – меня. Я не могу сказать, что я влюбилась в него. Просто он мой и всё! Он мне и друг, и любовник, и муж, и лучше его никого нет. Не выпивает, с полуслова все понимает. Сейчас мы подумываем, не зарегистрироваться ли, жизнь-то стала непостоянная. Надо расписаться, потому что мы строим дом, чтобы детям было наследство».

На вопрос о причинах нерегистрации фактически существующего многолетнего союза женщины из этой группы семей давали весьма разнообразные, но конкретные ответы: «Бывшая жена не дает развода» (*домохозяйка, 39 лет, стаж сожительства 14 лет, 13-летний сын, гор.*); «Свадьбу справили, но не зарегистрировались, потому что мне было 15 лет» (*домохозяйка, 20 лет, стаж сожительства 5 лет, двое детей, гор.*); «Сначала как-то неудобно было: мне 17 лет, а ему уже 35. А потом забыли, так вместе и живем, у нас трое детей» (*безработная, 33 года, стаж сожительства 16 лет, трое внебрачных детей, сел.*); «Никакого значения не имеет, зарегистрированы мы или нет. Даже, наверное, лучше, что не зарегистрированы – всё идет от души, а не от штампа в паспорте» (*медсестра, 39 лет, стаж сожительства 4 года, внебр. дочь 1,5 года, 4-й ребенок*). Идея последнего высказывания встречается во многих историях и во всех группах опрошенных женщин. Возможно, в этом состоит модернизация современной семьи – быть высокой ценностью для женщины и мужчины и их детей, а не для государства.

*Рождения, ставшие внебрачными из-за овдовения или развода во время беременности женщины
(Дискурс «Парадоксальные истории»)*

Эту группу составляют истории 7 женщин, ставших матерями внебрачных детей, условно говоря, неожиданно даже для самих себя. Двое из них овдовели во второй половине беременности, пятеро родили второго или третьего ребенка после развода с отцом ребенка. Причем у двоих из разведенных официальное оформление развода сначала имело формальный характер – ради прописки и последующего решения «квартирного вопроса». А потом эти женщины и фактически остались без мужей.

Рабочая, 41 год, разведена, стаж сожительства 5 лет, два внебр. сына 15 и 2 лет, гор.: «Вышла замуж, жили в Тюмени, мама – здесь. Она болела астмой, написала мне, что приступ за приступом, состояние тяжелое, а брата тогда посадили. Помрёт – 2-комнатная квартира пропадёт, государству достанется. Ну, я всё бросила, приехала. Развод оформила заочно, мне надо было пропи-

саться здесь. Сын родился уже после развода, через две недели. В общем, всё из-за квартиры. Муж сюда не приехал, не писал мне, потом он женился, развелся, снова женился. А мать еще 14 лет болела, в прошлом году похоронили... Когда я уехала от мужа, мне было 25 лет, сын родился в 26, а в 39 вот маленького родила. Когда мама была, мы с его отцом встречались тайно, теперь вместе живем, и старший сын спокойней стал... Регистрироваться я и сама не хочу. Потому что, думаю, если не поживется, ничем не удержишь все равно. Алиментов не дождешься, если уйдет, а так – пособие от государства – все-таки доход».

Но всё же основной стержень каждой из этих грустных «парадоксальных» историй – рождение желанного ребенка, забота о нем, ответственность. Как видно, даже попадая в сложные, порой драматические жизненные ситуации, все опрошенные женщины делают свой выбор в пользу материнства. И только одна женщина, судьба которой поистине трагична, призналась, что ей приходила мысль оставить ребенка в роддоме.

Санитарка, 45 лет, разведена, дочерям 22 и 19 лет, родились в браке, сыновья 12 и 8 лет – внебрачные, сел.: «Решила, что напишу заявление главврачу, кормить не буду. Но как только он родился и запищал, я заревела. Думаю: "Господи, 9 месяцев носила, а теперь оставляю? Трех кормлю, и ему каши хватит". Не смогла я его не кормить, просто материнское чувство переборолло».

Таким образом, по материалам исследования видно, что главная причина возникновения внебрачной семьи, главная основа всех жизненных путей женщин, родивших детей вне брака, – это не отказ от семьи, а стремление к ней. И правильнее здесь говорить не о причинах внебрачного рождения, а о судьбах женщин, у которых оно случилось.

Что касается некоторых предположений о дифференциации внебрачной рождаемости в зависимости от социального статуса женщин, то из полученных материалов видно, что в одной и той же группе схожих судеб оказываются директор фирмы и сельский сторож, главный художник издательства и дворник домоуправления. В современных условиях, по-видимому, не существует тесной связи между благосостоянием и брачным, репродуктивным поведением людей вопреки выводам О. Льюиса [Lewis O., 1975] и М. Босанаца [Босанац М., 1981], согласно которым свободные союзы, внебрачные рождения были элементами субкультуры беднейшего слоя.

Внебрачная рождаемость, как показывает демографический анализ, – довольно распространенный феномен среди как городского, так и сельского населения. Его распространение имеет довольно устойчивую тенденцию к росту (см. гл. 2, § 1). Но в то же время большого прироста монородительских семей не фиксируется: со временем происходит узаконивание брачных отношений между сожителями или образование повторной семьи (с другим партнером). По существу же объяснение причин этого феномена, основанное на демографических фактах и некоторым образом под-

твержденное социологическим обследованием, заключается в том, что современные тенденции в семейной сфере не противоречат глубоко традиционным стремлениям мужчин и женщин к браку, к семье.

По результатам проведенного разведывательного исследования можно предположить, что в России, в Сибири, как и в европейских странах, идет процесс модернизации семейной сферы. Внешне это проявляется в тенденциях снижения показателей брачности, рождаемости, разводимости. Но по существу это процесс утверждения ценности женщины-матери-личности, процесс расширения индивидуального выбора женщин в сфере семьи и брака. И облегчение этой ситуации состоит в ослаблении традиционных строгостей, запретов, осуждений. Поэтому нельзя согласиться с авторами, которые называют внебрачных детей «незаконнорожденными» и ставят неофициальные супружеские союзы (сожительства) в один ряд с алкоголизмом, наркоманией, насилием в семье [Антонов А. И., Мацковский М. С., 1995]. Такая оценка консервирует социальную дискриминацию.

§ 3. Демографические тенденции и социологическое исследование сожительства

Неофициальные супружеские союзы (сожительства – *cohabitation*) становятся всё более распространённым социальным феноменом не только в России, но и в европейских, североамериканских странах. Результаты демографических, социологических исследований этого явления (сравнительных и по отдельным странам) свидетельствуют о следующих тенденциях:

- снижение показателей заключаемых браков (первых, повторных) и рост разводимости не ведет к повышению доли одиноких среди женщин: почти треть численности женских когорт 1920 – 1960 гг. имели опыт длительного партнерства вне официального брака; в 40 – 50 % союзов присутствуют дети, 3/4 – 4/5 сожителей предполагают рано или поздно узаконить свои отношения, но 15 – 20 % не уверены, что когда-нибудь поженятся [Bumpass, Sweet and Cherlin 1991; Prinz 1994];

- протогенетический интервал для замужних женщин меньше, чем у женщин в неофициальных союзах, при равной продолжительности партнерства [Klijzing and Macura 1997; Manting 1996; Manning 1995];

- для старших когорт женщин (1920 – 1950 гг. рождения) среди неофициальных супругов вероятность распада союза была выше, чем среди замужних – развода [Prinz 1994; Schoen 1992]. Но для самых молодых когорт женщин (1951 – 1970 гг. рождения) риск разделения значительно снижается: сожительства перестают выполнять селективную функцию («пробного брака») [Schoen, 1992; Lapierre-Adamcyk, Pool, Dharmalingam, Hillcoat-Nalletamby, 1997];

– более 50 % численности женских когорт 1951 г. рождения и позднее к возрасту 29 лет предпочитают сожительство официальному браку, так что эти союзы становятся субинститутом брака [Manting, 1995; Lapierre-Adamcyk, Pool, Dharmalingam, Hillcoat-Nalletamby, 1997; Prinz, 1994];

– выборы между неофициальным союзом и законным браком основаны на дифференциации предпочтений и ориентаций людей практически во всех сферах жизни: семейной, репродуктивной, сексуальной, трудовой, доходной, досуговой, гендерно-ролевой [Rindfuss and VandenHeuvel, 1990; Clarkberg, Stolzenberg, Waite, 1995].

По данным российской микропереписи 1994 г., без регистрации жили 6,5 % мужчин и 6,7 % женщин, считавших себя состоящими в браке. Распространенность незарегистрированных браков среди всего взрослого населения России примерно такая же, какой она была в 1993 г. в США или в середине 80-х годов в Великобритании, Франции, Нидерландах, заметно ниже, чем была уже тогда в Швеции (20 %), Норвегии и Финляндии (по 11 %), однако выше, чем в Италии (1 %), ФРГ (5 %), Австрии (4 %) и Венгрии (3 %).

Данные микропереписи 1994 г. дают представление о некоторых структурных характеристиках «неофициальной» брачности в России. Они показывают, в частности, что среди женщин, состоящих во всех союзах, наибольшая доля приходится на самые молодые возрасты: от 16 до 20 лет. К 26 годам доля таких союзов в общем числе браков значительно снижается, наименьшее значение имеет в возрастах 30 – 33 года, после чего снова начинает расти.

Похожие тенденции проявляются во многих странах, но для России специфичны высокие показатели доли неофициальных супругов в старших возрастах (см. табл. 6, с. 36).

Частые случаи неофициальных браков среди людей старших поколений могут свидетельствовать об уже долговременной распространенности в России данного феномена и лояльности общественного мнения по отношению к нему.

Рост числа сожительства в большой степени компенсирует снижение официальной брачности, отмечаемой в России, в Сибири (см. табл. 4, с. 35) в последние годы. Та же тенденция наблюдается и в западных странах. Стало быть, откладывание или отказ от официального брака, по-видимому, не является отказом от супружества вообще.

Важной научной проблемой, поднимаемой учеными в связи с большой частотой появления во многих странах неофициальных супружеских союзов, внебрачных рождений, является вопрос об утрате семьей, браком их институциональной сущности. Именно на прояснение этого вопроса на-

правлены процитированные выше зарубежные исследования. Во многих из этих эмпирических работ выводы состоят в том, что изменение отношения к официальному браку – долговременная тенденция, свидетельствующая о трансформации института семьи.

Рассуждая об изменениях, происходящих в социальных институтах брака и семьи, недостаточно сослаться только на то, что «семья и дети» по-прежнему являются важнейшими в представлениях о жизненном успехе у большого числа людей. Необходимо также определить, на основании каких критериев можно назвать эти изменения кризисом (деградацией, упадком) или трансформацией (эволюцией). Такими критериями для рассматриваемых институтов является приверженность общества тем нормам (моральным, культурным), которые составляют основу их (институтов) функционирования. Если речь идет о браке, то это нормы, направленные на сексуальное регулирование; говоря о семье, мы имеем в виду нормы репродуктивного, социализирующего поведения, деятельности родственников по обеспечению общим жильем, едой, одеждой; а также заботой о слабых, больных членах семьи. Конечно, нет никаких сомнений в том, что все эти нормы меняются постоянно с тех пор как появилось человечество, и, конечно, происходит изменение социальных институтов. В конце XX в. изменения ускоряются, но это происходит не вопреки потребностям общества, а именно благодаря тому, что сложные функции семейного домохозяйства общество берет на себя (перехватывает).

В данном параграфе содержатся результаты конкретного исследования, проведенного автором в 1998 г. Целью его было выявление изменения нормативов брачного и семейного поведения людей (на примере жителей Сибири), а именно выяснение того, какие жизненные обстоятельства, причины лежат в основе большой распространенности незарегистрированных (неофициальных) супружеских союзов как в молодых возрастах, так и в старших.

Результаты зарубежных исследований частоты, факторов, дифференциации сожительства, приведенные в начале данного параграфа, получены в крупных обследованиях, на основе национальных выборок домохозяйств, семей; объемы выборочных совокупностей в них от 6 до 16 тыс. чел. Можно надеяться, что когда-нибудь и в России станут возможны обследования такого масштаба. Однако, как показывает сходство изменений репродуктивной функции семьи, развитие демографической сферы России происходит примерно по тем же законам (объективным), что и в европейских странах. Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что и изменение брачного поведения, норм, регулирующих это поведение, у населения России происходит аналогичным образом.

Однако, если для изучения репродуктивной функции семьи все-таки проводились крупномасштабные обследования (Госкомстатом СССР в 1969 г.), то брачное поведение людей, его факторы, мотивация, предпочтения было весьма редким предметом исследований. В научной литературе (демографической, социологической) можно найти данные о том, что распространение добрачных и внебрачных отношений мужчин и женщин приводит к росту внебрачной рождаемости, уменьшению протогенетического интервала. Однако неясными оставались многие вопросы, в том числе о причинах невступления в официальный брак партнеров-супругов, имеющих или планирующих иметь детей или живущих вместе на протяжении длительного времени. Поэтому проведенное исследование, имело разведывательный характер.

Проведенное методом *семейных историй*, оно позволило проследить процессы формирования брачной пары или семьи и выявить некоторые общие черты их «траекторий». Вместе с тем, известные результаты исследований американских социологов, были положены в основу некоторых гипотез, например, о демократичности гендерных ролей в неофициальных союзах.

Что касается брачно-семейных намерений, ориентаций, то операционально они фиксировались в контексте рассуждений респондентов о причинах нерегистрации существующих брачных отношений, о желаемом числе детей, о распределении или выполнении семейных, хозяйственных обязанностей, о внутрисемейных взаимоотношениях.

Объектом обследования были супружеские пары, соответствующие всем критериям «брачной пары», кроме одного – наличия официально зарегистрированного брака. Опрошены пары «мужчина и женщина», совместно проживающие, ведущие общее хозяйство, воспитывающие или уже воспитавшие детей (общих или партнера). Причем при исследовании данного феномена в контексте устойчивости институциональных функций *продолжительность совместной жизни* является основным критерием отбора совместно живущих пар. В данном исследовании этот временной показатель не должен быть менее 1,5 – 2 лет (в отличие, например, от показателей Rindfuss R. R. и Vanden Heuvel, которые, изучая сожителства с продолжительностью **1 мес. и более**, пришли к выводу, что ориентации сожителей более схожи с ориентациями одиноких людей) [Rindfuss R. R., Vanden Heuvel, 1990].

Конечно, изучение мотивационных аспектов, намерений, ориентаций требует конкретизации самого определения «брака». Этот методологический вопрос также обсуждается практически во всех работах по данной теме. При этом сожителства с малой продолжительностью (но не меньше

1 мес.) в зарубежных исследованиях зачастую рассматриваются как «пробный брак», «помолвка», некая стадия процесса ухаживания. Именно такого типа сожителства (недолгие, «пробные») чаще анализируются в американских работах, в то время как материалы европейских исследователей свидетельствуют о распространенности неофициальных союзов с более продолжительным «стажем» совместной жизни.

В рамках данного исследования применяется термин «брак», обозначающий устойчивые, долговременные, санкционированные обществом отношения живущих вместе мужчины и женщины. «Санкционированность обществом» в этом определении отражает как законную регистрацию этих отношений, так и социальную приемлемость незарегистрированных союзов. (Однако, как стало ясно из результатов интервьюирования, в обыденном сознании слово «брак» ассоциируется скорее с законной регистрацией, чем с фактическим супружеством.) Так что исследуемый феномен точнее было бы называть «бракоподобными отношениями», как делают это в своей работе M. Clarkberg, R. Stolzenberg, L. Waite [1995].

В исследовании были проведены глубинные полуструктурированные интервью 85 человек, составляющих 43 официально незарегистрированные брачные пары. 20 из них живут в сельской местности, 11 – в малом городе, 12 – в крупном областном центре Сибири. Опрошенные представляют возрастные группы взрослых следующим образом (число пар):

Возрастные группы	Всего	Город	Село
20 – 34 года	14	8	6
35 – 49 лет	18	8	10
50 – 65 лет	11	7	4
Всего	43	23	20

В семи семьях: в 5 молодых и в 2 – самой старшей возрастной группы нет и не было детей (ни общих, ни «своих»). В остальных семьях в среднем по двое детей, при этом по 1 – в 10, но у двух пар – по 4 и 5 детей. Общих же детей у неофициальных супругов, естественно, меньше: нет таковых у 22 пар, один – у 14, двое – у 5, трое – только у двух сельских пар.

Средняя продолжительность совместной жизни у опрошенных пар 8,6 лет, при этом у 8 пар был минимальный стаж супружества – 2 года, но у двух – по 26 лет, а у самой пожилой (сельской) – 36 лет:

Число пар сожителей	Продолжительность совместной жизни (лет)				
	2 – 4	5 – 9	10 – 14	15 – 19	20 и больше
	18	10	6	4	5

Короткий стаж сожительства респондентов не всегда означает малый супружеский опыт: только у 26 чел. из 85 это первый союз, но у 41 чел. – второй, у остальных – третий и даже четвертый (у 5 мужчин).

Полученные материалы дают некоторое представление о четырех как минимум типичных, повторяющихся ситуациях, которые можно назвать причинами откладывания, а зачастую и отказа супружеских пар от официальной регистрации своих отношений. Но сначала надо отметить, что общая и наиболее часто упоминаемая причина выражается следующим образом:

Зоотехник, 44 г., никогда не состоял в браке, стаж сожительства 15 лет, 3 детей, сел.: «Если человек нравится, если есть чувство – будешь жить и без колец, и без ЗАГСа, печати здесь не важны. Не на что сейчас ни разводиться, ни записываться. Крутишься по хозяйству целый день, чтоб только ребятишек голодными не оставить, какие уж тут свадьбы-кольца».

1. В отдельную довольно большую группу можно выделить супружеские пары, которые хотели бы зарегистрироваться, но не могут этого сделать по простой причине – один из партнеров состоит в другом браке, не может найти своего бывшего мужа/жену, не может получить согласие на развод... Таких пар 12 среди моих респондентов – 9 сельских и 3 городских. У 4 семей стаж совместной жизни 3 – 5 лет, у остальных от 12 – 13 до 36 лет. Именно в эту группу *сожителей поневоле* входит пара пожилых супругов, где муж не добился развода от своей бывшей жены в конце 1950-х гг.

Вполне понятно, почему сельских жителей в этой группе больше: порой им сложно (материально, морально, физически) даже добраться до юридической консультации, не говоря уж об обращении в суд или в другие конторы подобного рода. Кроме того, по-видимому, юридические службы для сельской местности не всегда дают своим клиентам информацию, позволяющую разрешить их проблемы. Это показывают на первый взгляд невероятные истории, рассказанные актерами этой группы. Например, в ответ на запрос о разводе в ЗАГС крупного сибирского города одному сельскому респонденту было прислано «свидетельство» о его смерти, зарегистрированной в этом ЗАГСе в 1988 г.

У городских пар в этой группе примерно такие же проблемы: они не могут получить документы о разводе из ставших «заграницей» Белоруссии и Казахстана, а съездить туда также нет возможности.

Во всех семьях этой группы есть дети – общие или одного из партнеров, чаще жены. Это нормальные полноценные семьи, с их заботами, проблемами, отношениями.

Рабочая на ферме, 41 г., сост. в другом браке, стаж сожительства 13 лет, 2 детей от 1-го мужа, 1 сын общий, сел.: «Если бы у меня были доку-

менты оформлены, может быть, мы бы и зарегистрировались. Но, в общем-то для нас это никакого значения не имеет. Живем и живем. У нас есть общий сын, родился в 1985 г., записали мы его вместе, мой муж нынешний его сразу же усыновил на свою фамилию.»

В остальных группах все партнеры имеют законные права на вступление в брак, т. е. они или холостые, или разведенные официально, или вдовы.

2. Довольно представительную группу составляют пары, совместную жизнь которых можно было бы назвать *пробным браком*. Это 7 молодых пар (2 сельских, 5 городских), у которых 2–3-летний стаж совместной жизни, пока нет общих детей; в двух парах есть ребенок жены, но и в других парах есть уже однажды (и дважды) разведенные. Сельские молодые сожители уже имеют отдельный дом, небольшое хозяйство. Городские также в основном живут отдельно от родителей, некоторые снимают жилье.

Причины откладывания регистрации, которые часто называют и женщины, и мужчины в этих парах, – неуверенность в партнере, отрицательное отношение со стороны родителей, своих и партнера. И никто из партнеров, сознавая свою зависимость от родителей, по-видимому, не настаивает на регистрации брака. Другим аргументом откладывания брака здесь является отсутствие детей (беременности), но, как стало ясно из интервью с женщинами, они сознательно пока не заводят детей, «предохраняются, стараются».

Домохозяйка, 24 г., разведена, стаж сожительства 2 года, 1 реб. от 1-го мужа, гор.: «С другом отношения хорошие, он хочет, чтобы я родила ребенка, но пока нет условий. Пока нужды нет расписываться. Если ребенок будет, тогда посмотрим».

3. Третья группа сожителей – это по сути предыдущая, но более старшая по возрасту группа, с более продолжительным стажем совместной жизни (10 пар – 6 сельских и 4 городских). Пары в этой группе уже имеют общего ребенка; у двух пар двое и трое общих детей. Сожители младших возрастов здесь так же как и в предыдущей группе объясняют откладывание регистрации брака материальными проблемами, несамостоятельностью, зависимостью от родителей (чаще это мнение высказывают мужчины):

Служащий, 24 г., стаж сожительства 4 года, 2-летний сын, гор.: «Регистрироваться нет никакого смысла. Хотя я думаю, что всё зависит от родителей, как они относятся к нашему сожительству. Наши – не настаивают, а есть такие, которым нужна определенность в отношениях.»

Более старшие пары, в основном сельские, живут давно самостоятельно, и, по-видимому, не придают значения своему официальному статусу.

Рабочий, 50 лет, разведен, стаж сожительства 16 лет, 12-летняя общая дочь, сел.: «Регистрироваться даже и не думаем; однажды я предложил Тане в ЗАГС сходить, а она сказала, что мы и так хорошо живем».

Можно допустить, что «сдерживающим моментом» для регистрации своих уже устоявшихся, стабильных отношений у пар этой группы являются материальные затруднения. Ведь взнос за регистрацию составляет 84 р., кроме того, в этом случае не обойтись без традиционной «вечеринки» (если уж не свадьбы) с угощениями, в то время как многие мои респонденты, особенно сельские, не получают всю зарплату в течение 2 – 3 лет.

Безработная, 30 лет, стаж сожительства 10 лет, 9-летний сын, сел.: «Мы хотели расписаться сразу, а потом что-то отложили, денег не было. Тогда это было немного, но все время думаешь, что лучше что-нибудь купить. Сейчас это минимальная зарплата, но их ведь нет. Для нас это деньги, можно костюм Вадику (сыну) купить, рубашку. Потом мы решили, что 10 лет проживем и зарегистрируемся, это уже в прошлом году в марте прошло. А теперь я тоже не хочу, знаете, как будто боюсь даже. Сейчас хорошо живем, а вдруг распишемся и будем плохо».

Практически все опрошенные этой группы высказывают большую удовлетворенность своей личной жизнью, со вниманием и пониманием относятся к партнерам. Окружающие, родственники, сослуживцы спокойно воспринимают их неофициальный семейный статус. Причем сами сожители, особенно сельские, испытывают некоторое неудобство из-за разных фамилий с родными детьми, но и это они считают несущественным по сравнению с хорошими отношениями в семье.

Кладовица, 44 г., вдова, 2 ребенка. от 1-го брака, стаж сожительства 16 лет, 12-летняя дочь, сел.: «Когда дочь родилась, хотели зарегистрироваться. А я рассудила, наверное, чисто по-матерински и говорю ему, что вдруг мы не уживемся и будут разные фамилии у детей, и я записала дочку на себя, а отчество – его. Как-то сосед спросил его о фамилии дочери – хотел смутить этим. Все в деревне уже привыкли к нам, никого не беспокоят разные фамилии, кроме тех, у кого самих в семье не ладится.»

4. Последняя довольно большая группа состоит из 14 пар, которые образовались на *последнем* этапе жизни. Правда, в двух парах возраст партнеров 30 – 40 лет, но они знают, что общих детей у них не будет (из-за состояния здоровья, разницы в возрасте), при этом у каждого уже есть свой ребенок, с которым поддерживаются отношения, если он не в данной

семье. Но в основном эту группу представляют пожилые горожане (10 пар), дети которых уже выросли.

Продолжительность совместной жизни опрошенных этой группы от 2 – 3 до 19 – 20 лет, и понятно, что в случаях большого стажа мужчина брал на себя функции отца (отчима) для ребенка женщины. Предшествующая брачная судьба людей этой группы непростая: большинство из них развелись, шестеро овдовели. Причины, по которым они не «расписываются», разные. Некоторые по соображениям о разделе наследства – квартиры, дома, хозяйства, другие из-за неуверенности в партнере (при небольшой продолжительности совместной жизни). Третьи считают, что «не хватало под старость лет в ЗАГС ходить! Вот сраму-то будет!» (*Пенсионерка, 58 л., вдова, стаж сожительства 3 года, гор.*)

Основные дела супругов в этой группе семей – забота друг о друге, о внуках, посильная помощь детям.

Надо отметить, что три пары в этой группе состояли в официальном браке, затем разводились (две – фиктивно, ради прописки одного из супругов в родительской квартире, одна – из-за пьянства мужа), но сейчас все три пары представляют собой сожителей, т. е. продолжают жить вместе, не регистрируя брак вторично. Причем, у тех, что разводились по причине пьянства, эта проблема благополучно разрешилась, когда через 4 года разлуки люди снова соединились. Но одна из когда-то фиктивно разведенных пар являет собой печальный образец несчастного супружества: муж пьянствует практически каждый день:

Вахтер, 60 л., разведена, стаж сожительства (с бывшим мужем) 20 лет, гор.: «У меня к моему мужу никакая не любовь, но мне его жалко. Если я его выгоню, он совсем пропадет... Я просто мечтаю от него избавиться, а он говорит, что никогда от меня не уйдет. Конечно, я не собираюсь с ним снова расписываться, но мне очень неприятно, когда нас называют сожителями. Мы ведь с ним были мужем и женой, а «штампа» не стало, так перестали ими быть? Значит, если есть «штамп» – нормальная семья, если нет – ненормальная? Я с этим не согласна. Бывает, и со «штампом» живут хуже некуда».

Как видно, неофициальные супруги, живущие вместе продолжительное время, практически не отличаются от тех, чей союз официально зарегистрирован. И, возможно, люди в свободных союзах более бережно, осторожно относятся друг к другу, понимая, что партнер – свободный человек и в случае частых конфликтов может покинуть другого.

По-видимому, в российском обществе феномен сожительства распространяется уже по крайней мере 30 – 40 лет, возможно, что раньше оно было более распространенным явлением в сельской местности, чем в городской. Основанием для такого предположения могут служить истории

сельских и городских сожителей с большим стажем совместной жизни, а также их воспоминания о таких же семьях (с разными фамилиями) их деревенских бабушек и дедушек.

По результатам данного исследования можно предположить, что происходящие изменения в семейной сфере можно назвать скорее модернизацией и этапом эволюции института семьи, чем упадком. По существу это процесс укрепления институциональной сущности семьи, соответствующей потребностям современного (сегодняшнего) общества, т. е. выполнение тех функций, которое общество «оставило» семье. Из материалов данного исследования видно, что основой жизненных путей большинства опрошенных мужчин и женщин, живущих вместе без официальной регистрации и заботящихся друг о друге, о детях, о внуках, является не отказ от семьи, а стремление к ней.

ЛИТЕРАТУРА

Антонов А. И., Мацковский М. С. Предисловие к российскому изданию // Семья на пороге третьего тысячелетия. М.: Ин. социологии РАН; Центр общечелов. ценностей, 1995. С. 5 – 8.

Борисов В., Синельников А. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М.: НИИ семьи, 1995.

Босанац М. Внебрачная семья. М.: Прогресс, 1981.

Вишневский А. Г. Современная семья и идеология // Свободная мысль. М., 1993. № 11. С. 110 – 125.

Иванова Е., Михеева А. Внебрачное материнство в России // Население и общество. Информ. бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народохозяйственного прогнозирования / Под ред. А. Вишневского. Москва – Париж, 1998. № 28.

Михеева А. Р. Феномен сожительства в сибирской деревне. Новая форма семьи или продолжение традиции? // ЭКО, 1994. № 6. С. 104 – 116.

Михеева А. Р. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1994. С. 160.

Михеева А. Р. «Современное» и «традиционное» в демографическом поведении сельского населения Западной Сибири // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Под ред. Т. Заславской, З. Калугиной. Новосибирск: Наука, 1999. С. 558 – 574.

Мэддок Дж. У. Семейная жизнь и сексуальность // Семья на пороге третьего тысячелетия. М.: Ин-т социологии РАН; Центр общечелов. ценностей, 1995. С. 86 – 109.

Barich R. R., Bielby D. D. Rethinking Marriage. Change and Stability in Expectations, 1967 – 1994 // J. of Family Issues, 1996. Vol. 17. № 2. P. 139 – 169.

Bumpass L. L., Sweet J. A., Cherlin A. The Role of Cohabitation in Declining Rates of Marriage // J. of Marriage and the Family, 1991. № 53. P. 913 – 927.

Clarkberg M., Stolzenberg R. M., Waite L. J. Attitudes. Values and the Entrance into Cohabitation versus Marital Unions // Social Forces, 1995. Dec. P. 609 – 631.

Denzin N. K. The Biographical Method // The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods. Prentice Hall, Engewood Cliffs. N. J., 1989. P. 183 – 209.

Halman L., Ester P. Trends in individualization in Western Europe, North America and Scandinavia: Divergence or convergence of underlying values. Paper presented at the Symposium «Growing into the Future». Stockholm, 1991. Oct.

Klijzing E., Macura M. Cohabitation and Extra-marital Childbearing: Early FFS Evidence // International Population Conference. Beijing, 1997. P. 885 – 901.

Lapierre-Adamcyk E., Pool I., Dharmalingam A., Hillcoat-Nalletamby S. New forms of reproductive and family behaviour in the neoEurope: findings from the «European fertility and family survey» on Canada and New Zeland // Paper to International Population Conference. Beijing, 1997.

Lewis O. Five Families: Mexican case studies in the cultural of poverty. L.: Souvenir Press, 1975.

Manning W. D. Cohabitation, Marriage, and Entry into Motherhood // J. of Marriage and the Family, 1995. № 57. P. 191 – 200.

Popenoe D. American family decline, 1960 – 1990: A review and appraisal // J. of Marriage and the Family, 1993. № 55. P. 527 – 555.

Prinz Ch. Patterns of Marriage and Cohabitation in Europe, with Emphasis on Sweden // PopNet, 1994. Spring. № 24.

Prinz Ch. Cohabiting, Married, or Single. IIASA. Aldershot, Brookfield USA, Hong Kong, Singapore, Sydney, Avebury, 1995.

Rindfuss R. R., Vanden Heuvel Cohabitation: A Precursor to Marriage or an Alternative to Being Single? // Population and development review, 1990. Vol. 16. № 4. P. 703 – 726.

Schoen R. First Unions and the Stability of First Marriages // J. of Marriage and the Family, 1992. № 54. P. 281 – 284.

Thompson P. Life Histories and the Analysis of Social Change // Biography and society. The life history approach in the social sciences. Ed. D. Bertaux. Sage, 1984.

Van de Kaa D. J. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin, 1987. Vol. 42. № 1.

Глава 3

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТЦОВСТВА

§ 1. Отцовство в контексте модернизации брака и семьи

Феномен отцовства – малоизученная область социологии и демографии семьи, брака. В последнее время наметилось повышение интереса исследователей к этой проблеме. В центре этих работ роль отца в социализации детей, проблемы социализации, адаптации и пр. [Ганжин В., 1988; Guttman M., 1996; и др.] На рубеже 60 – 70-х гг. внимание к этим проблемам возросло в связи с высокой разводимостью, появились работы о контактах разведенных отцов со своими детьми и связанных с этим проблемами [Девис К., 1979; Ферстенберг Ф. Ф. и др. 1985; Stephens L. S., 1996].

Действительно, на фоне высокой частоты разводов увеличивается число повторных браков. В 1996 г. их доля приблизилась в России к 30 % как для мужчин, так и для женщин. По социологическим данным в 17 % обследованных семей дети воспитывались отчимом. Для США аналогичный процент равен 30, 2/5 разведенных женщин создают новые семьи (stepfamilies), повторные супружеские союзы на протяжении жизни [MacDonald W. L., DeMaris A., 1996]. С одной стороны, повышается число семей, в которых родители, чаще всего отцы (отчимы), не связаны с детьми кровным (биологическим) родством, а с другой – нередки такие ситуации, когда родной отец в силу жизненных обстоятельств, например развода, теряет социальные связи со своими детьми. Так что в процессе модернизации семьи претерпевает существенные изменения роль и статус отца, сам институт отцовства.

Под отцовством здесь понимается культурное явление, исторически возникшее в моногамной семье, сущность которого состоит в готовности мужчины взять на себя ответственность за содержание и воспитание своих детей. В данном параграфе рассматриваются некоторые методологические и методические аспекты исследования феномена современного отцовства с точки зрения реализации репродуктивных прав и ответственности мужчин.

Можно предположить, что в процессе модернизации семьи изменение традиционных стереотипов, связанных с отцовством, трансформация ценностной системы мужчин имеет противоречивый, «болезненный» характер, поскольку мужчины более, чем женщины консервативны в семейной сфере.

Большинство исследователей проблем отцовства и маскулинности приходят к выводу, что декларируемый в литературе стереотип мужчины-добытчика в конце XX в. не соответствует ни идеалам мужчин-отцов, ни

их реальному поведению в семье. Кроме того, существует большое многообразие различных «практик» отцовства, но заметно проявляется тенденция большего участия молодых мужчин в проблемах своих детей по сравнению с поколениями их собственных отцов и дедов [Guttman M., 1996]. В России изучение проблем отцовства – тема сравнительно новая.

§ 2. Феномен отцовства (социологический, исторический аспекты)

Из результатов социологических исследований внебрачного материнства, проведенного автором, следует, что брачные, родительские ориентации, представления и реальное поведение мужчин (брачных партнеров, отцов внебрачных детей, отцов женщин-матерей) играют очень важную роль в жизненном, репродуктивном выборе женщин [Михеева А. Р., 1998; Михеева А. Р., 1999]. С другой стороны, существует много данных, давних и новых, свидетельствующих о том, что одиночество в значительно большей отрицательной степени влияет на здоровье, продолжительность жизни, благополучие мужчин, чем на чем на здоровье и благополучие женщин. Так, Кристофом Гуфелондом было установлено, что смертность холостых мужчин в возрасте 20 – 30 лет на 25 % превышала смертность их ровесников, состоявших в браке, (см. [Волков А., 1986]). В конце 1980-х гг. американскими исследователями подсчитано, что «холостяцкая жизнь мужчин» укорачивает их жизнь на 3500 суток, тогда как для женщин их «незамужняя жизнь» – на 1600. Важность семейной сферы для мужчин прослеживается и по их большей доле по сравнению с женщинами среди пациентов психиатрических больниц и обратившихся к врачам-психиатрам, %* [Аргай М., 1990]:

	Холостые	Разведенные	Вдовы
Мужчины	3,13	5,09	2,53
Женщины	1,74	2,80	1,43

*Здесь следует учесть и то, что женщины с большей готовностью признают у себя наличие психических расстройств и чаще обращаются к врачам. См. также: [Добровольская В. М., 1994].

Следует заметить, что если раньше социологами констатировалась ценность семьи, брака исключительно для женщин, и семейная проблематика поднималась в контексте женских исследований, то сейчас становится понятно, что мужчинам брачные, отцовские, семейные отношения ещё нужнее, чем женщинам. Неудовлетворенность одиночеством у мужчин более остра и длительна [Попова П., 1989; Черепухин Ю. М., 1995; Кон-

tula O. and Naavio-Mannila E., 1995]. Дихотомия работы и семьи как ролевое противопоставление феминности и маскулинности, мужчин и женщин теперь преодолевается и в рамках теории гендерной перспективы (в отличие от феминистских исследований) [Fetree M. M., 1991].

Важным методологическим моментом изучения брака, семьи (включая материнство, отцовство, детство), их места в системе ценностей является то, что становление и развитие этих институтов имеет двойную детерминацию: биологическую и социальную. Исторически это складывалось в процессе возникновения человеческого общества, в начале социализации биологических связей между первобытными мужчинами и женщинами. Вводимые запреты (табу) были направлены на:

- 1) устранение столкновений на почве ревности,
- 2) повышение жизнеспособности потомства,
- 3) наследование собственности.

В первых двух группах ограничений важным являлось биологическое отцовство – биологическое отношение мужчины к своим прямым потомкам. Роль социального отца, т. е. воспитание и содержание детей, выполняли братья матери (авункулат). Лишь с третьей группой ограничений биологическое отцовство приобрело социальное значение. Стало быть, отцовство как социально-культурное явление возникло лишь на стадии появления семьи, основанной на моногамном браке. В отличие от биологического материнства биологическое отцовство не является очевидной связью; оно не поддается точному установлению даже современной наукой.

Связь отца с ребенком опосредуется его сексуальными отношениями с матерью этого ребенка. Чтобы реализовать преемственность имени, собственности, обществу пришлось найти более-менее достоверное средство для установления этой связи – институт брака. Гарантией того, что женщина рождает детей именно своего мужа, мог стать только запрет на добрые и внебрачные её сексуальные связи. На жесткость и даже жестокость этого запрета и были направлены раньше и сохраняются сейчас практически все нормативы традиционной (дуальной, двойной) морали. На мужчине лежала ответственность за то, чтобы его социальное отцовство совпадало с биологическим, т. е. требование от жены супружеской верности [Думбляускас В. О., 1988]. Очевидно, в этом коренится источник ревности, которая неизбежно сопровождает любовь.

Строгость традиционных стереотипов менялась как в историческом времени, так и в разных странах [Бердяев А. Н., 1971; Курильски-Ожвэн Ш., 1995; Элиас Н., 1994 и др.]. И, судя по специальным исследованиям, вряд ли можно утверждать, что в России, в российской культуре мужчина был слишком строг по отношению к поведению своей жены. В тра-

диционной многопоколенной семье роль главы чаще выполняла старшая женщина, т. е. мать мужа (образ Кабанихи в известной пьесе А. Островского). Традиционная роль мужчины-отца была иждивитель, т. е. кормилец, зарабатывающий хлеб *вне дома*. То, что в доме, в российской семье главенство женщины было традиционно и сохраняется теперь, подтверждается и результатами сравнительного исследования представлений российских и французских подростков о ролях отца и матери в семье [Курильски-Ожвэн Ш., 1996].

Переход к нуклеарной малодетной модели семьи с двумя работающими родителями, а затем и к современным формам союзов мужчин и женщин происходил в условиях растущей независимости, эмансипации женщин. Российское «равноправие» мужа и жены в осуществлении роли «кормильца», «добытчика», по-видимому, ещё больше снизило роль мужчины в семье, привело к ослаблению функции социального отцовства, ослаблению чувства ответственности за воспитание, социализацию своих потомков.

Конечно, переоценка мужчинами своих отцовской и супружеской ролей, ориентаций, представлений происходило в России (и в СССР) в результате специфических исторических условий. Прежде всего, это отмена права на наследование собственности, что в немалой степени сказалось на ослаблении «фундаментальной» мужской заинтересованности в родных, любимых наследниках. Во-вторых, это правовое непризнание биологического отцовства вне зарегистрированного брака, действующее в СССР в 1944 – 1968 гг. В-третьих, феминизация воспитания и образования мальчиков, обусловленная, в свою очередь, как советскими идеологическими стереотипами (разделения труда), так и объективными ситуациями – послевоенными диспропорциями численностей мужчин и женщин.

Поэтому, впитывая многие принципы «женской», более гибкой, культуры, некоторая часть мужчин ориентируется, по-видимому, на новый тип отцовства, преимущественно социальный, на ответственность и за неродных детей тоже (опосредованно, через мать этих детей), т. е. без требования биологического родства с воспитываемыми детьми. Родственные отношения для этого типа отцов заменяются на партнерские, более демократичные, эмоциональные, чувственные. Но, с одной стороны, это противоречит традиционным культурным стереотипам отцовства, с другой – соответствует многим чертам модернизации частной, семейной жизни людей. Стало быть именно эту группу мужчин, по-видимому, можно считать «агентами» модернизации институтов семьи, моногамии, отцовства.

Другая группа мужчин, по-видимому, значительно более многочисленная, ориентируется всё-таки на традиционную неразрывность биологического и социального отцовства. О приверженности большей части мужчин

традиционным гендерным стереотипам пишут Г. Зиммель, Н. Дж. Смелзер; это показывают и результаты специальных медико-социологических обследований [Ваганов Н. Н., Алленова И. А. и др., 1996]. Такое же предположение можно сделать по материалам проведенного автором исследования внебрачного материнства [см. гл. 2, § 2], а именно: по-видимому, для традиционно ориентированных мужчин неофициальные союзы в отличие от зарегистрированного брака не являются гарантией их биологического отцовства. Сомнения неофициальных мужей в кровно-родственном отношении с ребенком своей сожительницы, выраженные зачастую в резкой форме, становятся причиной распада союза, бывшего прежде долговременным, вскоре после рождения ребенка.

В процессе модернизации брака феномен отцовства постепенно приобретает все более социальные, опекунские характеристики, но ослабляются его кровно-родственные ограничения. Однако трансформация в этом направлении ценностной системы и представлений мужчин имеет «болезненный» характер; мужские традиционные стереотипы, связанные с отцовством, имеют относительно более устойчивый, жесткий характер. Ситуация перехода усугубляется «давлением общества»: слишком глубоко заложен у людей образ женщины как «хранительницы очага» и образ мужчины как «добытчика» средств к существованию. Но, возможно, в этом коренится иррациональность (биологичность) «репродуктивной стратегии» мужчин-отцов, состоящая во вступлении в официальный брак с целью рождения *своего* кровно-родственного потомства. И наоборот, находит рациональное объяснение дуальная мораль (мужская – женская) с её жесткостью и вековой устойчивостью, присущая моногамной культуре, которая исторически возникла в процессе борьбы за выживание человеческой популяции.

§ 3. Мужчина в семье: добытчик, домашний работник, воспитатель? (некоторые результаты разведывательных обследований)*

Распространение новых практик семейного, родительского поведения мужчин может происходить (и происходит) на множестве уровней – поведенческом, формально-институциональном, идеологическом и т. п. Сказывается ли на распространении современных семейных практик содержание

* В этом параграфе содержится вторичный анализ материалов, полученных в процессе подготовки дипломных и курсовых работ студентами-социологами (под научным руководством автора): М. Меньшиковой, М. Тарасовой, Е. Кусовой, В. Гореловым, А. Беловым, которым автор выражает признательность за участие и интерес к данному проекту.

гендерных норм мужской морали и ролевых стереотипов в области брака и отцовства? Если сказывается, то каким образом? Как это проявляется на поведенческом и идеологическом уровнях? Пока у автора нет эмпирических данных для ответа на эти вопросы, приводятся предварительные результаты уже проведенных исследований: 1) ценностных ориентаций городских мужчин в сфере семьи и работы [Менщикова М., 1999], 2) гендерных аспектов распределения домашнего труда в сельских семьях [Тарасова М., 2000; Кусова Е., 2000; Горелов В., 2000; Белов А., 2000].

По данным первого обследования (опрошено 200 чел. – мужчин старше 20 лет, представителей различных социальных групп, жителей Новосибирска) были сделаны следующие выводы:

- У респондентов-мужчин практически отсутствует ориентация на приоритетность профессиональных ролей над семейными: в целом 95 % их отметили, что и работа, и семья в равной степени необходимы мужчинам. Ситуация несколько варьируется в зависимости от возраста: молодые люди делают акцент на профессиональных достижениях, с повышением возраста мужчины чаще отмечают необходимость стабильной семейной жизни.

- Ориентация на отцовство присутствует у опрошенных всех возрастов, мужчины нацелены иметь детей и заботиться о них. Желаемое число детей зачастую превышает то, что было в семье родителей. Главное условие отцовства – наличие стабильной семьи.

- Позиция респондентов относительно семейных ролей оказалась довольно противоречивой: почти 80 % их считают, что и муж, и жена должны вносить свой вклад в доход семьи, но при этом большинство из них рассматривают профессиональную работу женщин как помеху семейной жизни.

- Большую роль для всей последующей жизни мужчины играет авторитет отца. Модель взаимоотношений родителей во многом переносится опрошенными на собственную семью. Однако у опрошенных мужчин, воспитанных в семье с эгалитарной, демократической структурой, чаще проявляется ориентация на патриархальный тип семьи – с мужем во главе и традиционным распределением семейных ролей.

Таким образом, данные о ценностных ориентациях мужчин – жителей Новосибирска показали, что для респондентов одинаково важны и благополучная семейная жизнь (брак, дети), и профессиональная занятость. Вместе с тем, в исследовании не получен ответ на вопрос: совпадают ли эти ориентации с реальным поведением мужчин в семье? Насколько в их жизни реализуются представления о желаемом соотношении ролей, а также о предпочитаемом типе внутрисемейного взаимодействия?

Попытка ответить на эти вопросы была предпринята в следующем обследовании (осень 1999 г., сельское население Новосибирской обл.*), где был сделан акцент на анализе хозяйственно-бытовых ролей в семье. Такое смещение акцента на домашние дела, справедливость их распределения между супругами, различие структуры на разных этапах жизненного цикла и в разных по составу семьях обусловлено тем, что здесь наиболее наглядно проявляются переходные процессы в семейной жизни. Причем под «домашними делами» подразумеваются и уход за детьми, и содержание жилища, и бытовые обязанности, и материально-хозяйственное обеспечение (для сельских жителей работа в личном подсобном хозяйстве).

В англоязычной литературе существуют термины *fatherhood*, *motherhood*, придающие теме более «родительский» (демографический, кровнородственный) смысл, и термины *fathering*, *gatekeeping* (*maternal*, *paternal*), больше характеризующие хозяйственно-бытовые, экономические заботы взрослых по отношению к детям, к семье. Так что изучение гендерных аспектов трансформации хозяйственно-бытовых ролей в семье (*fathering*, *gatekeeping*), соответствует логике неразрывности происходящих в семье преобразований.

Актуальным был и анализ современного состояния внутрисемейной жизнедеятельности в сельской местности Сибирского региона, где, возможно, традиционная модель семейной структуры ещё довольно устойчива.

Материалы проведенного обследования (560 сельских жителей Новосибирской обл., репрезентативная выборка) дают основание для следующих выводов:

а) В сельской семье в Сибири на протяжении жизни по крайней мере 2 – 3 поколений (судя по возрастному нивелированию ответов) происходит трансформация социальных норм, регулирующих распределение семейных обязанностей между супругами: семьи 9/10 сельчан могут быть отнесены к переходному типу, в ролевой структуре которого сочетаются черты патриархальности и демократичности.

б) Патриархальный компонент структуры семьи, состоящий в том, что работы по дому и воспитание детей закрепляются за женщиной, а работы

*Из-за ограниченности средств на проведение специального полевого обследования мы сочли необходимым и возможным соучаствовать в обследовании бюджетов времени сельского населения. Это обследование проводится регулярно под руководством главного научного сотрудника ИЭиОПП СО РАН д-ра филос. наук В. А. Артемова. В рамках данного обследования мы получили возможность апробировать инструментарий для изучения ролевой структуры сельских семей, соответствующий задачам дипломных и курсовых работ студентов-социологов.

по хозяйству за мужчиной, проявляется почти в половине сельских сибирских семей.

в) Черты демократичности (эгалитарности) ролевой структуры проявляются в следующем:

- отсутствие (противоречивость) точного представления о том, кто является «главой семьи»;

- оба супруга работают вне дома (если не работают, то временно);

- 35 % опрошенных мужчин-отцов занимаются воспитанием детей практически наравне с матерью;

- ещё 9 % опрошенных мужчин можно отнести к типу «отец-воспитатель», т. к. их вовлеченность в воспитательный процесс бóльшая, чем у матери, а также высока степень участия этих отцов в выполнении домашних работ;

- значительная часть опрошенных женщин (40%) высказывает неудовлетворенность принятой в их семьях «традиционной» моделью распределения семейных обязанностей;

- ролевые ориентации, предпочтения сельских мужчин и женщин отличаются большей демократичностью (эгалитарностью) по сравнению с реальным распределением и ведением семейно-бытовых обязанностей;

г) Сельские мужчины более привержены «традиционным» семейным взглядам, оценкам, ролевым ожиданиям (по сравнению с женщинами).

Очевидно, что ограниченные возможности «встроенного» инструментария, специфика выборки бюджетного обследования и другие методические проблемы позволили ответить только на небольшой круг исследовательских вопросов. Однако ясно, что полученные данные показывают заметные сдвиги в семейном сознании и поведении сельских женщин и мужчин. Стабильность института семьи независимо от форм супружеских союзов, укрепление норм мужской ответственности за детей (в контексте распространения постмодернистских ориентаций «на другого») может стать основой более спокойного отношения общества, а затем и законодателей к современным моделям брака, семьи.

ЛИТЕРАТУРА

Аргай М. Психология счастья. М., 1990.

Белов В. Распределение обязанностей в семье: элемент потенциальной стабильности брака: Курсовая работа, 3 курс, научный руководитель канд. экон. наук Михеева А. Р., кафедра общей социологии, ЭФ НГУ, Новосибирск, 2000.

Бердяев А. Н. Русская идея // Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж, 1971. С. 108 – 157.

Ваганов Н. Н., Алленова И. А. и др. Работа с мужским населением по планированию семьи (Медико-социальный аспект) // *Семья в России*, 1996. № 2. С. 92 – 101.

Вишневецкий А. Г. Современная семья и идеология // *Свободная мысль*, 1993. № 11. С. 110 – 120.

Волков А. Семья как объект демографии. М., 1986.

Ганжин В. Отец и дочь (о психологии современного отцовства) // *Отец в современной семье*. Вильнюс, 1988. С. 75 – 84.

Голод С. И. Сексуальное поведение и субкультурная дифференциация полов // *Социологический журнал*, 1994. № 4. С. 127 – 133.

Горелов В. Роль отца в современной семье (на примере Новосибирской области). Курсовая работа, 3 курс, научный руководитель канд. экон. наук А. Р. Михеева, кафедра общей социологии, ЭФ НГУ, Новосибирск, 2000.

Девис К. Прекращение браков в США // *Развод. Демографический аспект* / Пер. с англ. М.: Статистика, 1979. С. 108 – 127.

Добровольская В. М. Социокультурные различия смертности мужчин и женщин России // *Женщина и свобода. Мат-лы междунар. конф.* М., 1994. С. 147 – 151.

Думбляускас В. О понятии отцовства // *Отец в современной семье*. Вильнюс, 1988. С. 134 – 138.

Зиммель Г. Содержание жизни: Избранное. Соч. В 2 т. М., 1996. Т. 2.

Клецин А. А. Внебрачные и альтернативные (немодальные) семьи: формы и содержание // *Рубеж*, 1994. № 5. С. 166 – 179.

Курильски-Ожвэн Ш. Русская культурная модель и эволюция нормативного регулирования семьи // *Общественные науки и современность*, 1995. № 5. С. 155 – 168.

Курильски-Ожвэн Ш. Семья, равенство, свобода: модели права и индивидуальные представления подростков Франции и России // *Общественные науки и современность*, 1996. № 2. С. 61 – 71.

Кусова Е. Изменение ролевой структуры семьи на разных этапах жизненного цикла (на примере сельской семьи Новосибирской области). Курсовая работа, 3 курс, научный руководитель канд. экон. наук А. Р. Михеева, кафедра общей социологии, ЭФ НГУ, Новосибирск, 2000.

Меньшикова (Осоргина) М. Ценностные ориентации мужчин в сфере семьи и работы. Выпускная работа, 4 курс, научный руководитель канд. экон. наук А. Р. Михеева, кафедра общей социологии, ЭФ НГУ, Новосибирск, 1999.

Михеева А. Р. От сожительства к семье (взгляд на трансформацию института брака сквозь призму женских историй) // *Общество и экономика*:

социальные проблемы трансформации / Под ред. А. Михеевой. Новосибирск: ИЭиОПП, 1998. С. 169 – 184.

Михеева А. Р. Некоторые особенности современного процесса формирования семьи // ЭКО, 1999. № 9. С. 120 – 130 .

Мэддок Дж. У. Семейная жизнь и сексуальность // Семья на пороге третьего тысячелетия. М.: Ин-т социологии РАН, Центр общечелов. ценностей, 1995. С. 86 – 109.

Попова П. Современный мужчина в зеркале семейной жизни. М.: Мысль, 1989. С. 188.

Смелзер Н. Дж. Социология. Гл. II. Сексуальные роли и неравенство // СоцИс., 1992. № 8, 10.

Тарасова М. Ролевая структура сельской семьи: от традиционности к современности (на примере Новосибирской области). Дипломная работа, 5 курс, научный руководитель канд. экон. наук А. Р. Михеева, кафедра общей социологии, ЭФ НГУ, Новосибирск, 2000.

Ферстенберг Ф. Ф., Норд Л. У., Петерсон Дж. Д., Зилл Н. Распад брака и контакты родителей с детьми // СоцИс., 1985. № 4.

Черепухин Ю. М. Семейные установки одиноких мужчин // Социологический журнал, 1995. № 1. С. 159 – 165.

Элиас Н. Отношения мужчины и женщины: изменение установки // THESIS, Женщина, мужчина, семья. Вып. 6. М., 1994. С. 103 – 126.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1962. Т. 21.

Barosso C. Policy strategies to encourage greater involvement of fathers with their children in Southern countries // International population conference. Beijing, 1997. Vol. 2. P. 831 – 847.

De Jong Gierveld J., Dukstra Pearrl A. The long-term consequences of divorce for fathers // International population conference. Beijing, 1997. Vol. 2. P. 849 – 866.

Ferree M. M. Феминизм и семейные исследования // Гендерные тетради / Пер. с англ. Т. Гурко. Институт социологии РАН, Санкт-Петербургский филиал, СПб., 1999. Вып. 2. С. 71 – 96.

Goldtorp J. E. 1987. Family life in Western societies: A historical sociology of family relationships in Britain and North America. Cambridge, 1987. P. 285.

Guttman M. The Meaning of Macho: Being a Man in Mexico City. Berkeley: Univ. of California Press, 1996.

Kontula O., Haavio-Mannila E. Sexual Pleasure. Enhancement of Sex Life in Finland, 1971 – 1992. Andershot, Brookfield, USA: Dartmouth, 1995.

Lesthaeghe R. The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation. Brussels: IPD Working Paper, 1992.

MacDonald W. L., DeMaris A. Parenting Stepchildren and Biological Children. The Effect of Stepparent's Gender and New Biological Children // J. of Family Issues, 1996. Vol. 17. № 1. P. 5 – 25.

Mead M. Marriage in two steps, The family in search of a future. Otto N. L. (Ed), N.Y., 1970. P. 75 – 84.

Stephens L. S. Will Johnny See Daddy This Week? An Empirical Test of Three Theoretical Perspectives of Postdivorce Contact // J. of Family Issues, 1996. Vol. 17. № 4. P. 466 – 494.

О СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКЕ (вместо заключения)

Дискуссии о демографических проблемах, споры о семье, о браке продолжаются и, очевидно, будут продолжаться. К чему приведет низкая рождаемость? Как относиться ко всё более частым «свободным» супружеским союзам? К каким последствиям приведет большое число внебрачных рождений? Почему растет число одиноких молодых людей?

Разные точки зрения на эти проблемы, на возможность и эффективность их решения получают отражение в мировоззрении, идеологии людей, обществ. Так или иначе они трансформируются в проводимую государствами политику – семейную, демографическую, социальную. На что нужно направить усилия общества и политики – на торможение или даже запрещение нового в семейном поведении людей и возврат к традиционным его нормам, или наоборот – на пересмотр социальных норм, на приспособление их к меняющемуся поведению людей?

Принципиальный момент политики в демографической, семейной сфере общества состоит в том, что такие процессы, как низкая рождаемость, распространение сожителств – это не региональное сибирское явление, не российское, а неотъемлемая часть долговременного общемирового процесса. В основе этих процессов важные социальные тенденции: повышение уровня образования людей, участие женщин в экономически активной жизни, равенство между полами, рост благосостояния. Следовательно, провозглашение цели повышения рождаемости, возврат к патриархальным нормам автоматически предполагает отказ от перечисленных тенденций или принципиальную переоценку социальных приоритетов.

В большинстве западноевропейских стран, в США, в Японии правительства отказались от формулирования политики в отношении рождаемости, численности населения, его структуры. Однако сформулирован принцип отношения к рождению детей как к *частному делу граждан*, которым предоставляется полная свобода выбора и принятия решений в этой области. В нескольких европейских странах (Швеции, Дании, Испании и др.) принцип невмешательства государства в частную жизнь граждан касается и форм супружеских союзов.

Семейная политика, очевидно, должна быть направлена на то, чтобы дать супругам возможность самим решать, когда и сколько они будут иметь детей, будет ли их брак при этом официально зарегистрирован.

В то же время во всех странах оказывается помощь БЕДНОЙ семье – пособия на детей, налоговые и др. льготы семьям с детьми и т. д. Поэтому

важным моментом социальной политики должна быть помощь семье в рамках «войны с бедностью», а не разговоры о пособиях на детей в контексте популистских демографических целей.

Следующий принципиальный момент: семью, как социальный феномен, надо перестать рассматривать как ПРОБЛЕМУ, находящуюся в центре общественного внимания, и тем более с позиций федеральной власти. Проблемой являются бедность, высокая смертность, бездомность, болезни... Дебаты о поддержке семьи, широко использующие семантику «защитной» идеологии, ставят семью в положение слабой, нуждающейся в постоянных дотациях, компенсациях... Между тем семья представляет собой довольно автономный, самоценный и, очевидно, вполне стабильный социальный институт. И стабильность его не зависит от того, в каких формах и типах брачных союзов люди организуют свою семейную жизнь. Совершенно справедливо отметили Г. Андрап и его соавторы, что сейчас мы наблюдаем кризис законности: в процессе распада пребывает закон о семье, а не сама семья (см. [Prinz Ch., 1994]). Сказанные о Швеции, эти слова в полной мере отражают положение дел в российской семейной политике.